

ГЛАС ПРОКЛЯТЫХ

The illustration depicts a woman with voluminous, curly orange hair, seen from behind. She is wearing a long, flowing white dress with a wide, patterned hem and a dark sash tied at the waist. She stands in a field of tall grass, with large, bright orange flames rising from the ground around her. In the background, a dark, silhouetted town is visible under a dark, stormy sky with swirling clouds. The overall mood is dramatic and mysterious.

КОГДА БОГИ МОЛЧАТ –
ГОВОРИТ РОД
КОГДА РОД МОЛЧИТ –
ПОЁТ СЕРДЦА.

SANCTUS STASIA

18+

Sanctus Stasia

Глас Проклятых

<https://litres.ru/74279922>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухой деревне, окружённой туманом и древним страхом, ещё живут легенды. Боги молчат, не отвечают на молитвы, будто отвернулись от людей. Но ушли ли они сами, или их заставили замолчать?

В купальскую ночь цветок папоротника выбирает Миру — тихую, упрямую девушку, которая никогда не искала силы. Дар приносит ей знание, но вместе с ним — боль, ответственность. И чем глубже Мира погружается в эту правду, тем тяжелее становится её путь.

Содержание

Плейлист книги	5
Персонажи	6
Глава 1	19
Глава 2	29
Глава 3	43
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	66
Глава 7	74
Глава 8	77
Глава 9	85
Глава 10	94
Глава 11	97
Глава 12	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Sanctus Stasia

Глас Проклятых

Художник обложки Kedrok

Редактор, корректор Тайч Кристен

Иллюстрации персонажей Microsoft Copilot (AI)

© Stasia Sanctus, 2026

Плейлист книги

Переход на плейлист книги в ВК. Тут вы сможете найти аудио версии песен из книги.

Персонажи

Мира — юная ученица жрицы.

Стана — ведьма.

Рада — подруга Миры, одарённая Богами. Владелица голоса, что чтит их и просит помощи.

ВОЛОДАРЬ

Володарь — юный ученик волхвов. Волчий волхв.

Венедор — первый ученик Береслава. Олений волхв.

Береслав — старший волхв. Медвежий волхв.

Ауда — старая жрица, хранительница деревни.

Глава 1

Мира сидела у реки, наблюдая за водой. Мерное течение завораживало и дарило покой. Рассветные лучи поблёскивали на водной глади, переливаясь разными оттенками. Казалось, если смотреть достаточно долго, можно даже увидеть, как вода оживает.

Шум послышался не сразу. Сначала далёкий, потом всё ближе. Смех, плеск, визгливые голоса. Мира вздрогнула и подняла голову.

К реке пришла Зоряна, да не одна, а в шумной компании парней и девушек. Они были старше, свободнее, громче. Толкались, брызгались, озорно хлестали друг друга мокрыми ветками. Зоряна сияла, как всегда. Её смех был лёгким, как ветер, и Мира ловила себя на том, что слушает его, будто музыку.

Девушка заметила её и подошла. Мокрая, растрёпанная, она выглядела счастливой.

— Мирочка, — сказала мягко, как умела только она. — Матушка просила воды. Я бы сама... но меня вот уволокли. Поможешь?

Зоряна улыбнулась так тепло, что у Миры внутри всё растаяло.

— Конечно, — сказала Мира, поднимаясь.

Она взяла ведро, ещё раз взглянула на сестру. Та весели-

лась, хохотала.

«Хоть кто-то из нас нашёл своё место. Хотела бы я быть такой же».

Колодец стоял на краю деревни, старый, увитый плющом. Мира опустила ведро, но оно застряло — будто кто-то держал его снизу. Она дёрнула сильнее, но оно не поддавалось. — Не рви, — тихо прозвучало за спиной.

Мира вздрогнула и обернулась.

Рада стояла рядом, как будто выросла из тени. Тонкая, светлая, с глазами, в которых плескалась вода. Одна из тех добрых душ, что никогда не пытаются задеть Миру, обидеть. Да и как может быть иначе, коли она одарена Богами? Чистая песнь возносит их имена, отзывается в молитвах и вплетается в каждый обряд. Лишь светлую душу они бы и услышали.

— Ты меня напугала, — выдохнула Мира.

— Я не хотела, — Рада улыбнулась. — Просто... колодец сегодня сердитый.

Мира нахмурилась.

— Колодец не может быть сердитым.

— Может, — Рада присела на край, глядя в глубину. — Всё, что существует, умеет сердиться.

Мира почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты говоришь странные вещи.

— Я просто слышу, — Рада коснулась камня. — Он шепчет. И ему не нравится, когда его ломают.

Мира осторожно потянула ведро, и оно вышло легко, буд-

то кто-то наконец отпустил.

— Видишь? — Рада улыбнулась. — Он просто хотел, чтобы его попросили.

Мира смотрела на неё, не зная, что сказать.

Рада была странной, необычной. Но странность её была не пугающей. Она всегда нравилась Мире. В детстве они дружили, но с годами дорожки развели их в разные стороны. Поцелованная Богами, говорящая порой странные речи, которые могут звучать только из уст волхвов или жрицы. А над Мирой смеялись. Её особенности становились поводом не для любви и уважения, а для насмешек.

— Ты... часто слышишь такие вещи? — спросила Мира.

Рада пожала плечами.

— Иногда. Когда они хотят, чтобы я слышала.

Рада сказала это так просто, будто речь шла о чём-то живом и понятном. Мира не знала, что ответить. Слова Рады были странными, но не пугающими. Наоборот, в них было что-то мягкое, тёплое, будто она делилась чем-то личным, но не до конца.

Мира подняла ведро, и на мгновение ей показалось, что вода в нём дрогнула — но не от её движения, а от чего-то другого.

«У Рады есть какой-то дар. Тихий, скрытый, не выставленный напоказ, особенный. Дар, о котором она никому не говорит — и, кажется, не собирается».

Мира поймала себя на том, что ей хочется спросить боль-

ше. Но она не решилась. Слова Рады были как туман: мягкие, но цепкие. И чем больше Мира думала о них, тем сильнее ощущала: Рада знает что-то, чего не знает никто другой, но не может сказать. Или не хочет?

Эта мысль осталась с ней, пока она шла домой.

Мира старалась идти быстро, не смотреть по сторонам. Нога зацепилась за что-то, и она чуть не упала вместе с ведром. Часть воды выплеснулась через край.

— Гляньте, опять эта тихоня.

— Ведро снова уронила? Недавно столько воды пролила, что чуть деревню не затопила, — захохотал кто-то.

— Руки дырявые, как и голова. Ничего не умеет. Хобяка.

— Будет до старости на шее родителей сидеть. Говорят, не умеет ничего. Даже искупаться сама не может.

— А я слышала, что она как-то пыталась печь растопить, да чуть хату не сожгла.

— Одно солнце у матушки уродилось, да тень прицепилась.

Мира старалась не слушать, но слова цеплялись за душу, как репей. Ранили, обижали. Стоило привыкнуть. Зоряну все обожали, а её обзывали, задевали, а некоторые избегали.

Когда Мира вернулась домой с ведром, мать стояла у стола, перебирая зелёные стебли.

— А где Зоряна? — спросила она, даже не оборачиваясь.

— Я же её посылала.

Мира поставила ведро на лавку.

— Её... ребята утащили. Она попросила меня сходить.

Мать подняла голову. Взгляд её был усталым, но мягким.

— Ну да, конечно. Утащили. Её всегда куда-то утаскивают. Она у меня как солнышко — все вокруг неё кружат.

Мира опустила глаза. Она знала, что мама не пытается её задеть, говоря это. Мать очень волнуется за обеих дочерей и желает счастья. Но Зоряна радует сердце матери, а за Миру оно болит.

— А ты бы тоже... — мать вздохнула, — друзей завела. Вон сколько молодых-то. Все вместе, все смеются.

Мира сжала пальцы.

— Мне... не с кем. Я им не интересна.

Мать нахмурилась.

— Что за глупости?

— Они смеются, — тихо сказала Мира. — Шепчутся. Когда я прохожу — отворачиваются. Или... поддевают.

Мать замерла. В её глазах мелькнула боль и сожаление.

— Мирочка... — она подошла ближе, коснулась её плеча.
— Ты у меня хорошая. Просто... не все это видят. Придёт час — и распустишься ты, как цветок.

Мира кивнула, но без веры в эти слова. Мать вздохнула, будто хотела сказать ещё что-то, но передумала. Вместо этого она подняла с пола корзинку с травами и протянула дочери.

— Ладно. Отнеси это волхам. Они просили. Только не задерживайся.

Мира шла быстро, стараясь избегать чужих глаз и злых языков. Хата волхвов стояла чуть в стороне, будто сама деревня не хотела к ней прикасаться. Дверь была приоткрыта. Мира толкнула её плечом и шагнула внутрь.

Тишина. Только потрескивание углей в печи да горький аромат трав витал в воздухе. Она уже хотела позвать кого-нибудь, как вдруг услышала тихий, резкий звук — лезвие скользнуло по наждаку.

Стана вынырнула из-за печи. В руке её поблёскивал нож. Ведьма прошла к столу, будто не заметив Миру. Длинные чёрные волосы падали на лицо. Она резала корни быстрыми, уверенными движениями. И только простая чёрная рубаха колыхалась от каждого движения. Мира замерла. Сердце стукнуло громче.

Стана подняла голову.

— Ты долго стоять тут собираешься? — спросила она, не удивившись, но будто раздражённая самим фактом присутствия Миры.

— Я... травы принесла, — Мира протянула корзину, чувствуя, как пальцы дрожат.

Стана подошла ближе. Взяла корзину. Понюхала травы, раскрошила в пальцах и тут же скривилась.

— Полынь пересушена. Чертополох рассыпается под одним только взглядом. Ты что, в печь их сунула? Или решила волхвов угробить?

Щёки Миры вспыхнули румянцем.

— Я сушила так, как велела матушка!

— Матушка твоя, значит, неправильно велела. А может, ты слушать не умеешь? Испортила столько трав. Руки твои да в эту печь, куда ты травы сунула.

Мира сжала кулаки.

— А ты кто такая, чтобы учить меня?

Стана хмыкнула. Уголки её губ поднялись в улыбке. Опасной, хитрой, хищной.

— Я та, кто знает цену таких ошибок. Они пахнут смертью.

Она шагнула ближе. Так близко, что Мира почувствовала холод её кожи. Очи почернели, и только черти заплясали в них янтарными огнями. Под тяжёлым взглядом хотелось сжаться.

— Запомни, девка, — прошипела ведьма. — В этой избе ошибки не прощают.

Мира хотела ответить, но слова застряли в горле. Она выскочила на улицу, чувствуя тяжёлый взор Станы на спине. Оценивающий, презирающий, ненавидящий. А вдогонку донеслось почти шёпотом:

— Беги уж. Пока ещё что-нибудь не испортила, неумёха.

Мира не обернулась. Сердце колотилось в груди, руки сжимались в кулаки.

— Понимаю, почему её ненавидят. Ведёт себя так... будто... Тьфу, ведьма!

Она бежала, тихо бормоча, и сама не заметила, как нале-

тела на волхва. Его суровый взгляд тут же пронзил девушку насквозь. Самый юный из троих, но его силу чтили даже старшие учителя. Он стоял перед ней, облачённый в тяжёлую волчью шкуру, и не сводил своего не менее тяжёлого взора. Молчаливый, грозный. Мира всегда опасалась его. Володарь, так его звали.

— П-прости... — вымолвила она и понеслась со всех ног домой, стараясь выкинуть из головы и ведьму, и то, как неуклюже чуть не сбила волхва с ног.

Мира вернулась домой, ничего не говоря, вошла в комнату и села на палати. Она сидела тихо, обхватив колени, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит от слов Станы. Будто ведьма не просто говорила, а вытягивала из неё воздух, силу, уверенность. Мира уткнулась лбом в колени, пытаясь успокоиться. В доме было тихо. Только за стеной мать что-то переставляла, да ветер шуршал в щелях. Но долго сидеть так она не могла, да и жалеть себя негоже. Дел было ещё много.

Она поднялась, вымыла руки, помогла матери с приготовлением еды, подмела пол, заштопала отцовские рубахи. Всё делала молча, стараясь не думать. Мать бросала на неё короткие взгляды, будто чувствуя горечь на сердце дочери, но ничего не спрашивала. И Мира была благодарна за это молчание.

После ужина она вышла на поле за домом загнать скотину. Овцы уже ждали у ворот, недовольно блеяли, будто ругались за опоздание. Мира погладила одну по шее.

— Сейчас, сейчас. Я тут.

Она открыла калитку, погнала их к загону. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в мягкие розовые тона. Воздух был тёплым, пах травой и пылью. Одно ягнятко, самое маленькое, снова попыталось улизнуть, но Мира ловко поймала его за шею.

— Ну что ты, — сказала она тихо, — куда тебе одному.

Ягнёнок ткнулся ей в ладонь, и Мира невольно улыбнулась. Хотя кто-то в этой деревне не пытался её уколоть.

Когда скотина была загнана, она закрыла ворота и задержалась на мгновение, глядя на небо. День был тяжёлым, но вечер... Вечер был мягким. Спокойным. Как будто мир наконец перестал давить на её усталые, тонкие плечи.

В доме мать уже спала. Зоряны всё ещё не было. Мира не удивилась — сестра часто возвращалась поздно, смеясь, пахнувшая речной водой, чужими руками и иногда медовой. Мира зажгла маленькую масляную лампу, села у окна. Тишина обволакивала, даря покой.

Мира произнесла мольбы Богам. Просила о покое, о здоровье для себя и близких. О том, о чём все просят.

Потом разделась, затушила лампу, легла на палати, натянув покрывало до подбородка. Тело ныло от усталости, но внутри было странное ощущение, будто день оставил след, мягкий, но глубокий. Слова Рады. Тяжёлый взгляд Станы. Неумолимое лицо волхва. И сквозь всё это, как сквозь толщу льда, звенящий смех Зоряны да тихий, неумолимый шёпот

воды. Всё смешалось в одно.

Мира закрыла глаза. Перед тем, как провалиться в сон, она подумала:

«Если бы кто-то услышал меня так же, как Рада слышит колодец... Может, я бы тоже перестала быть тенью».

И ночь мягко накрыла её своими тёплыми объятиями.

Глава 2

Туман ложился на деревню, как забытая молитва — вязкая, безответная. Он полз по крытым соломой избам, затекал в щели, стеснял дыхание. Ни птиц, ни ветра — только сырость и звон в ушах, будто кто-то шепчет из-под земли.

Кровь лилась по земле извилистой дорожкой, ведущей в лес и теряющейся в белёсой дымке. Боги покинули это место. Они не сгинули, не перестали слышать, а просто отвернулись. Оставили. Как оставляют больное дитя в лесу, чтобы не кричало по ночам.

Волхвы со старшей жрицей стояли у колодца. Глаза их были белыми, невидящими. Они не слышали, не говорили, не двигались. Лишь смотрели в бездонную пропасть.

В каждом окне стояли люди. Жители такие же молчаливые, застывшие, с мутными от слепоты глазами, словно заражённые туманом. Все лица смотрели в сторону колодца. Заворожённые чем-то незримым.

И вдруг волхвы подняли головы, простёрли руки к небу. Жрица ещё больше склонилась над колодцем — ещё чуть-чуть, да упадёт. И вспыхнуло пламя. Каждая изба, каждое дерево, каждый человек, скотина — всё загорелось. Но никто не двинулся, не закричал. Пламя разгоралось, пожирая деревню. Дым смешивался с туманом, окутывая всё серо-белым полотном. Деревня погибала. Медленно разваливались

дома, падали замертво жители, не сводя взглядов с колодца, пока лица их не обращались в пепел.

Мира проснулась в холодном поту. Страшное сновидение не хотело покидать её думы, а в носу стоял едкий запах дыма и горящих тел.

— Ты бела, будто тебя Мара во сне поцеловала. Что случилось? — спросила Зоряна, расчёсывая волосы.

— Ничего. Сон дурной привиделся.

— Сны дурные да в такой день. Что ж тебе приснилось?

— Не хочу говорить. О дурном заикнуться — беду накликать. Лучше забуду поскорее.

— Как скажешь, — ответила Зоряна, откладывая гребень и присаживаясь на край палаты. — Ты придёшь на гуляния? — спросила она, улыбаясь и заглядывая в глаза Миры с видом чистого дитя.

— Ты же ведаешь, что не любо мне туда ходить. Людей много, гуляют, пьют, пляшут. А я нелюдимка, так все молвят.

— Но сегодня гуляние в нашу честь. Я хочу быть там с тобой. Без тебя не буду пировать, — говорила Зоряна медовым голосом. — Ты же знаешь, что без тебя всё будет не так. Ты моя единственная сестра. Коли ты не пойдёшь, и я не пойду. Без тебя будет скучно. Не отказывай мне, прошу...

— Ты и покойника уболтаешь. Голос как мёд, взгляд ласный. Хорошо, приду.

Зоряна подскочила, подобрала рубаху и подбежала к сундуку. Распахнула его и принялась доставать платья.

— Наряжаться будем! Сейчас отыщу самые красивые наряды!

Мира с улыбкой наблюдала за сестрицей. Зоряна достала из сундука два платья. Одно — цвета спелой вишни, второе — цвета утреннего инея. Первое она приложила к себе, покрутилась, прищурилась, будто примеряла не платье, а судьбу. Второе протянула Мире.

— Это тебе. Оно как твоя душа — тихое, но сияет, как звёзды в небе, — сказала она, и в голосе её не было ни шутки, ни лести.

Мира взяла платье, провела пальцами по вышивке. Узоры, словно сотканные из света молний и звёзд, дрожали под её рукой. В груди всё ещё жила тревога, как отголосок сна, но рядом с Зоряной она чувствовала себя защищённой поболее, чем с пучком полыни в руках.

— А ты веришь, что сны — это знаки, посылаемые Богами? — спросила Мира, не поднимая глаз.

— Верю, — ответила Зоряна, перебирая ленты. — Но не все. Некоторые — просто тени, что проходят сквозь нас, другие — морок да игры нечисти. Но если сон не уходит, значит, он что-то хочет сказать.

Мира кивнула. Она не хотела говорить, что в том сне узнала лица. Деревня была не чужая. Колодец — тот самый, у старого дуба. И те, кто должен защищать, волхвы и жрица, и

каждый житель... все они горели и обращались в пепел.

Снаружи раздался гул — бубны зазвучали громче, заывая всех на улицу, смех, топот. Праздник начинался. Ветер доносил запах медовухи, жареного мяса и свежих лепёшек. Зоряна подбежала к окну.

— Рано начали. Только занялся рассвет. Неужто весь день гулять будут? — спросила немного испуганно Мира.

— Важный день. Наш день! А вечером Купалье. Надо ж всё успеть. Оттого и целый день гулять будем, — воодушевлённо ответила Зоряна и пустилась в пляс по комнате.

— А как же работа? А как же скот?

— Не убежит работа, а скот уже папенька вывел, — сказала она, присаживаясь к Мире. — Знаю, что не любишь ты в толпе быть. Гуляния пропускаешь, хороводы не водишь, но побудь сегодня со мной, — говорила с улыбкой, но в речах её сквозила едва скрываемая печаль.

Мира покосилась на сестрицу, всматриваясь в её счастливое лицо. В глазах блестело предвкушение праздника, но таилось в них что-то тревожное. Будто и Зоряна чего-то боялась или ведала что-то, да сказать не решалась.

Солнце только поднялось над лесом, а деревня уже гудела. Избы раскрыли ставни, на завалинках появились женщины с корзинами, полными яств, дети босиком бегали по росе. Возле колодца плескалась вода — молодки мыли волосы, вплетая в них полынь и мяту. Ветер доносил запах свежеспеченных лепёшек, дым от печей стелился низко, смешива-

ясь с ароматом липового цвета. Мужики у ворот точили косы, переговаривались, но и в их голосах слышалась не работа, а ожидание веселья.

К полудню на поляне за деревней развернули ряды: глиняные кубки, вышитые рушники, венки из зверобоя и васильков. Девушки в белых сорочках с красной вышивкой водили хороводы, звенели бубенцы, играли гусли. Старики сидели в тени дубов, рассказывали сказания, а дети плели кукол из трав. Мира шла рядом с Зоряной, не спеша, вглядываясь в лица — все были как в сказке: раскрасневшиеся, светящиеся. Зоряна смеялась, угощала прохожих сушёными яблоками, а в её глазах плясал огонь.

Ближе к вечеру, когда солнце стало мягким и золотым, девушки начали плести венки. Кто-то пел протяжную песню, кто-то смеялся, кто-то смотрел в сторону леса, точно ждал знака. Мира стояла у края поляны, в руках держала венок из полыни, мяты, маков и васильков, а рядом — Зоряна, вся в цветах, с лицом, полным света и чего-то невыразимого. День ещё не закончился, но в воздухе уже витала ночь с её тайнами, кострами, шёпотом воды и пугающим пророчеством сновидения.

— Идём! Пока не началось пение. Я хочу, чтобы мы были там, когда зажгут огонь, — сказала Зоряна.

Мира встала, надела венок на голову, поправила платье. Взгляд её был серьёзен, будто она шла не на гуляние, а на испытание.

— Хорошо. Только меня петь не проси. Не буду.

— Но ты ведь красиво поёшь! — пыталась возразить сестрица.

— Не буду... Я для себя пою. Не хочу, чтобы кто-то слышал...

Зоряна удивлённо посмотрела на сестру, но не стала продолжать разговор. Просто взяла её за руку, и они вышли в поле, к лесу. Из-за деревьев выползала лёгкая призрачная дымка, обрывки тумана, явившегося из глубин чащи. Мира напряжённо смотрела в сторону деревьев, ожидая, когда оттуда хлынет тяжёлая навья волна и поглотит всех, принесёная вслед за собой огонь, как во сне. Но ничего не происходило.

Из тяжёлых дум её вырвала музыка. Мужики разожгли костёр, музыканты сели подле пламени, и зазвучала дудка, разливаясь по полю, запели цимбалы, загремел бубен. На небосводе загорелись звёзды, из-за облаков выползла белёсая луна. Ночь вступила в свои права.

Девы похватали юношей и увели в пляс. Хоровод кружился вокруг костра, а песня разрывала ночную тишину.

*В ту ночь, когда Купала дышит,
И травы шепчут в полусне,
Две девы — свет и тень — услышат
Зов древний в звёздной тишине.*

Одна — как пламя на рассвете,

*Другая — сумрак меж ветвей.
Обе — как сны в забытом лете,
Как голос предков средь огней.*

*Старухи в сёлах говорили:
Кто в эту ночь родится вдруг —
Тому цветок, что скрыт в могиле
Лесов, откроет тайный круг.*

*И вот, меж папоротников синих,
Они ступили в мрак лесной.
Одна — с венком, другая — с силой,
С надеждой, с трепетной мечтой.*

*Вдруг вспыхнул свет — как пламя в чаще,
И лес затих, и дрогнул мох.
Одна из них, с душой горящей,
Нашла цветок — и замер вздох.*

*С тех пор она — как будто в знании,
Глядит сквозь время и печаль.
А вторая — в молчаньи раннем
Несёт сестру и свет, и явь.*

*И каждый год, в ту ночь купальную,
Они идут сквозь лес и тьму.
Одна — с огнём, другая — с тайной,
И шепчут звёзды им в дыму.*

Песня кончилась, молодёжь вскрикнула, и от хоровода начали отрываться пары. Они бежали к костру и прыгали через него с радостными криками. Мира с замиранием сердца смотрела на весёлых и разгорячённых соседей, перескочивших через пламя, и с волнением ждала, когда придёт её очередь. Зоряна крепче сжала её руку, посмотрела в глаза и одарила широкой улыбкой.

— Готова? — спросила Зоряна.

Мира лишь кивнула. Сестрицы отделились от ряда молодёжи и побежали к костру. Ноги оторвались от земли, языки пламени приятно лизнули щиколотки. Несколько мгновений сёстры провели в воздухе, а затем приземлились на другой стороне. Влажная трава приятно охладила ступни. Девушки расхохотались. Зоряна продолжала держать Миру за руку и ждала, пока та что-нибудь скажет.

— Спасибо, — сказала Мира, отдышавшись. — Спасибо, что вывела. Мне понравилось.

Зоряна улыбнулась сестрице и только тогда отпустила её руку.

— Сейчас венки по реке пускать будем. Глядишь, найдём твою судьбу.

— А чего ж мою сразу?

— Я и сама свою судьбу найду. А тебя только Боги заставят кому-то улыбнуться, а уж о том, чтоб заговорить, я вообще молчу.

Девы уже спускались к реке, пока юноши пили медовуху, говорили и хохотали. Зоряна пошла вслед за ними, а Мира неуверенно осталась на берегу. Её страшила мысль связать свою судьбу с кем-то. А вдруг суженый не полюбит её? Кому нужна нелюдимка?

— Чего стоишь? Идём, — сказала девушка, подошедшая со спины.

От неожиданности Мира подскочила. Рада, белокурая и одарённая Богами дева. Её голос прославлял Богов и лился мёдом песен на каждом гулянии, на каждом обряде, а тело выплясывало так, будто в нём не было ни единой косточки. Она улыбнулась Мира и поманила к реке.

Мира нерешительно вошла в воду, сняла с головы венки и долго смотрела на него, пока остальные девицы уже, смеясь, выходили из воды, отпустив свои венки на поиск суженого.

— Плыви, венок, по воде быстрой, найди суженого моего чистой мыслью. Как трава к солнцу тянется, так пусть он ко мне потянется. Где ты плывёшь — там любовь идёт, где ты пристанешь — там счастье живёт, — прошептала Мира короткий заговор и отпустила венок.

Несколько минут она стояла, смотря, как быстрая вода уносит венок вдаль, к деревне и ещё дальше. Сердце кололось в груди.

Когда Мира вышла на берег, народ уже собирался вокруг костра, перешёптываясь и смеясь. Кто-то пил медовуху, кто-то молча ждал.

Из тьмы ночи выплыла фигура. Старая жрица, худая, как тростинка, со скрюченными пальцами, медленно приближалась к толпе.

Стоило жрице подойти достаточно близко, как все умолкли. Даже ветер перестал ласкать лица собравшихся, уступая место её силе.

— Вы собрались тут, дабы отгулять сразу два события. Зоряна и Мира! Девы мои, ныне вы стали взрослыми. Теперь и дела ваши будут судимы, как у взрослых, и работа ваша станет сложнее. Боги поцеловали вас, принесли в этот мир в такой день, а значит вас ждёт великое и счастливое будущее! Да будет так! — говорила жрица. — А ещё лишь в эту ночь в лесу цветёт папоротник. Тот, кто его найдёт — силу обретёт. Отправляйтесь в лес на поиски, но помните — далёкий проход закрыт. Туман есть граница, за которую ни в коем случае ступать нельзя. Коли кто из вас дойдёт до тумана — разворачивайтесь и ступайте другой тропой.

Все слушали её внимательно. Каждый и так знал, что в туман ходить нельзя. Войдя туда раз, уже не воротишься никогда. Глаза юношей горели, девы улыбались в ожидании.

— Ступайте! — сказала жрица, и толпа весело ринулась в лес.

Мира шла неспешно, стараясь не споткнуться. Лес жил

своей жизнью. Старые ветви жалобно скрипели, ночные птицы ухали вдали. Мох под ногами расстился пушистым ковром. Постепенно она осталась одна. Все разбрелись в разные стороны, ища цветов. Тревожное чувство разливалось в груди, но Мира отгоняла беспокойные думы, продолжая свой путь.

Сколько она бродила по лесу, не ведала. В голову прокралась мысль, что все уже, небось, вернулись. Мира не верила в легенду о цветке папоротника. Каждый год его все ищут, да сыскать никто не может. Она подняла свой взор в ночное небо, скрытое за вековыми соснами, выдохнула и развернулась, направляясь назад, к полю.

Дорога показалась незнакомой. Она бродила и не могла всё выбраться из леса. Леший водит, аль сама заплутала? Вдруг что-то сверкнуло среди тьмы деревьев. Мира замедлилась и с опаской, медленно, направилась к сиянию. Сердце билось глухо, будто в груди стучал барабан. Мира ощущала, как лес вокруг дышит — не враждебно, но настороженно. Каждый шаг отдавался в земле, в корнях, в ветвях над головой. Сияние не рассеивалось, наоборот — становилось плотнее, будто звало. Она шептала себе под нос: *«Не сглазить бы... не спугнуть...»*

Когда она приблизилась, свет оказался не огнём, не луной, не блуждающим огоньком. Среди мха, в кольце папоротников, лежал он — цветок, которого не должно быть. Лепестки мерцали, как утренний иней, края его словно горели огнём.

Он был одновременно живой и неземной, будто вырос из самой ночи, из чьей-то давней молитвы.

Мира опустилась на колени, не дыша. Внутри смешалось всё: трепет, страх, восторг. Она не знала, можно ли его тронуть, не исчезнет ли он, не обернётся ли лес против неё. Но цветок будто сам склонился к ней, принял её. И в этот миг она поняла: не леший водил, а сама шла туда, где её ждали.

Руки сами потянулись к цветку. Казалось, что он сам отделился от стебля, ложась в девичьи ладони.

Мира поднялась и поспешила в деревню. Показать его — сбывшуюся легенду, чудесный дар Богов.

Лес не отпустил сразу. Он дышал вокруг неё, как зверь, как дух. Тропы петляли, будто проверяли свою избранницу. Папоротники склонялись, шептали — не словами, а прикосновениями. Мхи под ногами были мягкими, пушистыми, как овечья шерсть, а воздух — густым, как отвар из трав.

Она шла, не считая шагов. Ветви над головой сплетались в причудливые узоры, как вышивка на рушнике. Где-то в них мелькали огоньки. Не звёзды, а глаза. Лешие? Духи? Навьи? Или просто лес, смотрящий на свою избранницу? Она не боялась. Цветок в ладонях был её огнём, оберегом, её путевой нитью.

Туман плыл между деревьями, сопровождая, но не решаясь коснуться. В нём всплывали лица: мать, Зоряна, старуха с белыми глазами, что когда-то говорила ей: *«Помни, ты — ведающая, ты — судьбеница»*. Мира шла, и каждый шаг был

словно во сне. Она не знала, сколько прошло — час, ночь, жизнь.

Мира бродила среди деревьев. Казалось, что лес не отпускает, сгущая тени вокруг. А она всё шла и шла, пока не увидела лучи света, пробивающиеся сквозь деревья. Мира ускорила шаг, как вдруг, словно преодолев незримую черту, чётко разделившую два мира — тьмы и света, жизни и смерти, шагнула в свет. Там, позади, сгущалась тьма, перед ней же разливался яркий солнечный свет.

Она вышла на край поля, босая, с цветком в руках. Деревня гудела, но уже не радостно. Женщины метались между избами, мужчины собирали факелы, дети плакали, не понимая, но чувствуя: случилось что-то неотвратимое и страшное.

Когда её увидели, всё замерло. Кто-то вскрикнул: «*Она!*» — и толпа обернулась. Жрица, седая, с глазами, полными тревоги, вышла из круга людей. Она шла медленно, боясь, не веря.

— Пророчество сбылось. Ты нашла его. Цветок папоротника... Он выбрал тебя, — говорила она, а голос её дрожал. — Цветок папоротника, по древнему поверью, расцветает лишь в самую короткую ночь года, и только для того, кто чист сердцем и готов к испытанию. Ты знаешь, что дарует он? — спросила она.

Мира покачала головой. Она слышала легенды, но не верила в них. Слышала сказки, но каждая рассказывала свою историю, и ни одна из них не повторялась в точности.

— Силу слышать лес. Слышать перешёптывание трав, тоску корней по солнцу, птичьи тайны, зов волков. Видеть правду, скрытую за словами, видеть деяния, скрытые за дверями. Слышать предков, но и чувствовать их печали и боль. Папороть цвет — и дар, и проклятие. Он дарует знание, вплетённое отныне в душу, но и отнимает, коли пожелает нужным.

Мира смотрела на жрицу, и в ней всё дрожало — не от страха, а от того, что всё стало настоящим. Она хотела спросить, что теперь, но вместо этого прошептала:

— А Зоряна? Где она?

Старейшина, стоявший рядом, опустил голову. Его голос был хриплым, будто он говорил из глубины земли, а руки дрожали.

— Не нашли. Плутает в лесу. Небось, в туман ступила...

Мира сжала цветок. Он был тёплым, пульсировал, словно бьющееся сердце. Боль схватила за горло цепкими лапами, голова закружилась, а ноги подкосились. Мира обернулась к лесу. Он стоял чернеющей стеною, туман подполз ближе и уже виднелся за стволами. Хотелось бежать, хотелось кричать и искать, но что-то внутри подсказывало — толку не будет, только сгинет сама и все, кто с ней пойдут.

— Зоряна... — только и смогла прошептать она и упала на землю.

Глава 3

Цветочные венки плыли по реке. Течение несло их вдаль. Какие-то тонули в чёрной пучине, находя пристанище на дне и суля своим мастерицам ещё одно одинокое лето. Другие же стремились к юношам, предвещая им скорую встречу с избранницами, уготованную Богами.

Лишь один венок плыл нерешительно, будто боролся со встречным течением. То замедлялся, то резко устремлялся вперёд.

Вода принесла его к деревне и увела в тихий приток. Одинокий венок продолжал свой путь, поглощаемый тьмой. Его владелица уже позабыла и о заговоре, и о тревоге. Не думала больше о его судьбе. А он всё плыл, преодолевая невидимую силу, пытавшуюся его остановить, упрямо следуя к тому, кому был предназначен.

У самой кромки воды сидел силуэт, поглощённый ночью. Уставшие за день ноги нежились в холодной воде, ласкаемой течением. Взор был устремлён в звёздное небо, а в думах роилась тьма.

Что-то нежно коснулось ног, привлекая внимание.

— Венок? — раздался голос, прорезавший тишину.

Руки невольно потянулись к нему, пальцы прошли по лепесткам, но не подняли, а оттолкнули его, чтобы вода унесла дальше.

Но венок вновь пристал к ногам, будто влекомый неведомой силой. Рука взяла его и швырнула вглубь потока, где течение было сильнее. Глаза закрылись. Тяжёлый выдох нарушил тишину. Острая боль кольнула что-то затаённое в груди. И снова — лёгкое касание. Глаза распахнулись, опустились на воду и увидели тот самый венок.

— Так и не поплывёшь дальше? Неужто мне уготован? Дурная, значит, мне судьба выпала.

— Судьба твоя нашлась? — раздался спокойный голос за спиной.

— Нет.

— Венок, найденный на Купалу, да не судьба? Тебе известно, что это значит. И, как я видел, он не просто пристал здесь случайно, а плыл именно к тебе. Против течения и человеку трудно вернуться, а венку — и вовсе невозможно. А он всё же у твоих ног, — говорил волхв, чуть улыбаясь.

— Ты и сам знаешь: если он мне, тогда хозяина венка ждёт погибель. Погибель от моих рук.

Голос был твёрд, а слова сухи. Будто не страшно предрекать чужую смерть. Но лишь звёзды ведали, что в душе проснулся страх. Лишь венок чувствовал, как задрожали руки, сжимая цветы.

— То не в нашей власти, — сказал волхв. — У Богов свои планы на каждую душу.

Венок колыбался на волнах, раскачиваясь из стороны в сторону, но не уплывал. Три пары глаз смотрели на сплете-

ние цветков и трав, будто решая его судьбу.

— Коли приплыл, найдёт своё применение. Травы всегда пригодятся, — бросила тень, подняла венок и трое отошли от берега, направляясь к избе.

Глава 4

Мира пришла в себя от резкого запаха. Матушка сидела подле неё на полатах. Одна её рука держала у носа растёртую полынь, другая массировала висок, втирая в него сок той же травы. Глаза матушки были красными от слёз, руки дрожали. Увидев, что дочь пришла в себя, она отбросила травы и прижалась лбом к груди Миры.

— Мирочка! Кровиночка моя! Неужто живая! Хвала Богам! — повторяла мать, рыдая в дочернюю грудь.

— Зоряна... — прошептала Мира, ещё не набравшись сил.

Мать пуще прежнего разразилась рыданиями, и Мира поняла, что сестрицу так и не нашли. Глаза сами сомкнулись, выпуская дурные думы, но вместо них явился сон наяву.

Зоряна блуждала по чёрному лесу, окутанному бледным мороком. Туман расступался перед ней, смыкаясь сзади. Путь, не позволял найти верную дорогу. Голос, охрипший от криков, тонул в тишине леса, захлёбывался в призрачной пелене. То тут, то там всплывали лики, тени. Не люди, навьи твари. Они следили, изучали, но не трогали, словно сторонились. Лицо её было бледно от страха и усталости, плечи дрожали, но она продолжала блуждать, ища спасения.

Мира поняла, что не найдут сестрицу. Лес не отпустит, туман не подпустит. И что-то внутри будто сгнуло вместе с

ней. Будто часть сердца затерялась в лесу вместе с Зоряной.

Слеза скатилась по щеке, руки потянулись к матери, обнимая её. Никогда Мира не чувствовала себя так одиноко. Сестрица всегда была где-то рядом. Хохотала, подпевала песням, танцевала. А теперь нет её. И будто исчезло с ней всё остальное. В груди жгло чувство вины: не уберегла сестру, не уследила за ней в том лесу, где цветок папоротника был ещё лишь сказкой, обещающей чудо, но принёсшей лишь страх.

Дверь тихо скрипнула, и в опочивальню вошла Ауда — старая жрица, принеся с собой странный запах. Что-то гнилое, болотистое. Так пахнут гниющие травы. С годами сей запах только усиливался, но все говорили, что то след старости и многолетней борьбы жрицы с туманом. Лицо её было испещрено сотнями морщин, но глаза сверкали, как у молодой девы. Руки сжимали скрюченную ветку, которую она использовала как посох. Чёрная длинная рубаха волочилась по полу, а на голову был надет венок из барвинка и еловых лап. Мира почувствовала, как сердце кольнуло. Барвинок — символ девичьей молодости, а ель — символ смерти. Жрица сплела венок, признавая смерть Зоряны, и Мира поняла это сразу.

Следом за жрицей появились трое волхвов. Огромный и старый Береслав стоял по правую руку от Ауды. Его плечи были укрыты медвежьей шкурой, а на голове лежала его морда. Самый сильный из волхвов и самый пугающий. Венедор, волхв помоложе, бывший учеником Береслава и готовящий-

ся занять его место, подошёл к стене. На его плечах красовалась шкура оленя, а голову украшал его череп. Самый юный — Володарь — остался чуть позади. На его широких плечах висела волчья шкура, а морда лежала на голове. Неудивительно, что он выбрал этого зверя. Было в них хищническое родство.

Он был примерно того же возраста, что и Мира, однако она не помнила его ребёнком. Будто он появился в деревне неожиданно, будучи уже взрослым. Сколько лет назад он явился? Откуда? Кто уж припомнит наверняка. Но от юноши веяло холодом. Взгляд его, злой и ледяной, пронзал до костей. Волосы были коротко острижены. Мира слышала, что так делают все ученики, идущие на обучение к волхвам, а потом отращивают волосы, потому что в них копится новая сила и новое знание. Нелюдимый, такой же, как она. Только если Мира сама сторонилась людей, то в его случае люди сторонились общения с юным учеником.

Их лица были суровы, а взгляды внимательны, будто они пытались увидеть в Мире то, что она сама ещё не открыла. И пуще остальных её буравил взором Володарь. Будто он тоже почувствовал схожесть их душ. Желваки его были сжаты, брови сомкнулись на переносице. Мире показалось, что он хочет что-то сказать, но сам себе запрещает, и только взор его выдавал тяжёлый ход дум.

Жрица подошла к палатам, подняла руку, и изба наполнилась могильной тишиной. Даже матушкины рыдания стихли.

Только сейчас Мира заметила мрачную и словно вмиг постаревшую фигуру отца, стоящую в углу. Лица на нём не было, а взглядом овладел туман.

— Дитя леса, — произнесла она, глядя прямо на Миру. — Ты коснулась тайны, что не каждому открыта. Цветок папоротника явился тебе не случайно. Отныне ты знающая. Это твой крест, твой дар и твоё проклятие.

Волхвы переглянулись, и один добавил низким голосом:

— Ты видела сны наяву? Видела видения в ночи и среди бела дня?

Мира испугалась этого вопроса. Чувствовала, что они и сами всё знают, и лишь молча кивнула.

Волхвы переглянулись. Жрица довольно улыбнулась, подходя ближе к девушке.

— Не только знающая, но и предвестница. Знаешь больше остальных, видишь наперёд. В твоих руках, в твоих устах и в твоём зоре сокрыта великая сила. Но за силу эту платят дорогой ценой. Где одна душа спасена, другая может быть потеряна.

Мира сжала пальцы, чувствуя, как сердце её бьётся в такт словам. Она знала: впереди ждёт испытание.

— Ты знаешь, что у песни, что поют на Купалу о двух сёстрах, есть продолжение? — спросила жрица и пропела неизвестные строки:

Одна — предвестница огня,

*Другая — тьма и вечный сон.
Одна — как зарево с утра,
Другая — мрачный, древний стон.*

*Обе, как свет и тьма — едины,
Как голос предков в тишине.
Их путь начертан роком дивным,
И тайна скрыта в их душе.*

*И свет, и мрак — в одном дыханьи,
В одном пророческом пути.
Старое в пепел обращая,
Они рождают новый мир.*

Мира слушала, словно заворожённая. Никогда прежде она не слышала этих строк ни от других девиц, ни от старушек, видевших, казалось, как Боги ещё ходят по земле. Словно эти строки навеки были вычеркнуты из памяти, запрещены. И тут, словно озарение, снизошло видение: тело напряглось, как струна, спина выгнулась, глаза закатились, и Мира увидела.

Языки пламени облизывали срубы, перепрыгивали с одной соломенной крыши на другую. Люди стояли, заворожённые, ждали своей участи, мирно наблюдая, как соседи сгорают, превращаясь в прах. Волхвы стояли подле колодца, не в силах пошевелиться. У их ног лежала старая жрица без жизни.

Старый дуб, стоящий в конце деревни, высыхал на глазах, обращаясь в труху. Мира стояла в поле, глаза её, раньше небесно-голубые, были теперь налиты кровью. Она перевела взгляд в сторону, ощутив присутствие. Рядом стояла Зоряна. Бледная, как снег, холодная. Она выглядела так, будто из неё выпустили всю кровь. Глаза её горели смоляным блеском, скрывая в себе тайну и мрак. Сёстры взялись за руки и смотрели, как гибнет деревня, забирая с собой и жизни тех, кто её населял.

Крик. Громкий, надрывистый крик вернул Миру в тело. Только тогда она поняла, что кричала сама, напугав и родителей, и волхвов. Жрица смотрела на неё уже без улыбки, недобрым взглядом. Чувствовала — что-то недоброе увидела девица, но знала, что говорить об этом надо без лишних ушей. Но, придя в себя, она поняла, что память о видении исчезла. Осталась только боль в сердце и запах дыма в носу. И как Мира ни пыталась вспомнить, что увидела, могла лишь снова ощутить запах дыма и ничего больше.

— Зоряна... — прошептала девушка. — Её нужно найти...

— Нет. Нельзя. Никто не пойдёт в лес, пока я того не велю.

— Но...

— Никаких «но»! Я не позволю. Нас и так мало осталось. Грядёт тяжёлый час. Деревня вырождается. И чтобы спасти одну душу сейчас, мы не будем жертвовать десятком других. Твоя сестрица сгинула. А коли хочешь спасти её душу и по-

мочь перейти, когда повернётся новое коло, тогда тебе надо ещё многое узнать. Но в лес никто искать её боле не пойдёт.

Голос жрицы гремел в стенах избы. Взгляд прожигал Миру насквозь. Она не решилась перечить, но внутри всё дрожало от обиды.

— С сего дня ты станешь моей ученицей, — сказала жрица, обрывая Миру. — Век мой подходит к концу, и ты займёшь моё место. Приходи в полночь. Я буду ждать. И не смей идти в лес. Сгинешь. И не найдёшь сестрицу.

Жрица вышла из покоев. Вслед за ней избу покинули и волхвы. Матушка с папенькой больше не сказали ни слова. Старались осмыслить всё, смириться с потерей одной дочери и тяжёлой судьбой второй.

Мира долго сидела неподвижно, словно сама изба держала её в плену. Мысли путались, сердце то замирало, то билось слишком быстро. Она чувствовала, что стены давят, что вздохи матери и тяжёлый взгляд отца только усиливают её смятение. Нужно было выйти — туда, где воздух чище, где можно услышать себя.

Она поднялась, тихо, чтобы не тревожить родных, надела простую рубаху и шагнула за порог. Вечер уже стлался по земле, и холодный ветер коснулся её лица. Мира шла по тропке, ведущей к полю, и каждый шаг будто облегчал тяжесть в груди. Соседи смотрели вслед сочувствующими взглядами, шептались за спиной, но Мире было не до их длинных языков и колких слухов.

Деревня кончилась, и поле раскинулось широким простором, золотым от сухой травы и серым от тумана, что поднимался над землёй. Она шла всё дальше, к краю, где деревня уже не видна, где кромка леса скроет её от чужих глаз. Там, за деревьями, царила тишина. Не та гнетущая, что в избе, а глубокая, живая, нарушаемая только редким пением птиц и шелестом травы под ногами.

Мира остановилась, вдохнула полной грудью. Пахло сухой травой, лесной сыростью и полевыми цветами. Она закрыла глаза, пытаясь собрать мысли в кучу. Внутри всё ещё звучали слова жрицы, но теперь они не пугали, а будто складывались в судьбу. Будто в жизнь явилось то, что давно предназначено Богами, и противиться этому нет смысла.

Она опустилась на колени, коснулась земли ладонями. Холодная, влажная почва отозвалась теплом в груди. Здесь, на краю поля, она чувствовала себя не одинокой, а частью огромного существа матери-природы. Цветы и травы проскальзывали между пальцев, щекотали ноги и руки. И в этой тишине, под шёпот ветра и далёкий скрип деревьев, Мира впервые позволила себе подумать не о страхе, а о пути. О том, что ждёт её на закате. О том, что лес хранит не только мрак, но и ответы. О том, что жрица и волхвы хранят не только истину, но и секреты.

Она подняла голову, глядя на тёмную стену леса. Там, за кромкой, скрывалась её сестра — или её тень. И ещё что-то или кто-то... Мира чувствовала чей-то взгляд оттуда. Угро-

жающий, невидимый взор, следящий за каждым её движением. Мира поёжилась от беспокойного чувства, но быстро отогнала его, не придав значения.

Солнце сползло за горизонт. Время утекало сквозь пальцы, приближая встречу со жрицей. Чего ждать? Чему она будет учить? Какова жизнь жрицы? Все эти вопросы мучили Миру.

Она поднялась и сделала несколько шагов к лесу, будто сама земля несла её. Ветки на краю кромки дрожали, хотя ветра не было. Туман клубился, подступая ближе к деревне, словно ждал чего-то, и в этом молчании Мира ощутила зов — не голос, не слово, а тихое притяжение. Будто сестрица ждала её там.

— Зоряна... — прошептала она, и сердце болезненно сжалось.

Хотелось ступить туда, пойти в туман и найти её, привести домой. Сейчас это казалось возможным. Словно все легенды про туман лживы, будто нет никакой опасности. Но Мира быстро отринула наваждение, вспоминая про Ивана, что сгинул, едва шагнув в туман. Вспоминая про Ядвигу, что пошла на личную песню и больше не вернулась. Про Яся, который на глазах отца лишь едва коснулся тумана и растворился в нём.

В этот миг из леса донёсся звук — не пение птицы, не треск ветки, а протяжный, низкий гул, похожий на дыхание. Мира замерла, чувствуя, как волосы на затылке встали ды-

бом. Гул стих, но в груди осталась дрожь. Она знала: лес живой, и он слышит её. Чует её страхи, чует её боль и зовёт, обещая освобождение. Освобождение самой дорогой ценой.

Мира смотрела в сторону леса. Туман шептал из чащи, зовя к себе в объятия. Она не заметила, как лёгкие шаги принесли к ней гостью.

— Не иди, — раздался за спиной мелодичный голос Рады, а её лёгкая рука легла на плечо Миры.

Мира вздрогнула и обернулась. Глаза всё ещё были затянуты пеленой задумчивости, но шёпот больше не застилал слух.

— Ты чего тут? — только и смогла выдавить из себя Мира.

— Гуляла, — Рада хитро улыбнулась, будто на самом деле знала, что найдёт Миру тут и пришла нарочно. — По деревне молва ходит, что ты с жрицей повздорила. Что случилось?

— Я хотела... Зоряну искать. Думала, что она соберёт народ, отправит в лес. А она запретила. Сказала, что такова доля. Что и так мало люду осталось и негоже ради одной души остальные на опасность обрекать...

— Жрица ведает, что делать. Знаю, что тебе больно, но коли она чуяла бы искру жизни Зоряны, то отправила бы мужиков.

— Что ж творится, Рада? Что уготовили нам Боги? — Мира всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

Рада обняла деву, поглаживая волосы. Она понимала, что слова тут не помогут. Лишь время может забрать боль или

притупить её, но всё равно сказала:

— Тяжёл наш путь, но всё уготованное по силе нам.

Рада всегда знала, что сказать, чтобы успокоить грозы в сердце и думах. С самого детства она была мудра не по летам. Мира никогда не могла понять, как такая открытая и чистая дева начала водить дружбу с такой, как Мира. Такие разные и всё равно рядом. Рада всегда делилась самым сокровенным только с Мирой. Приходила и сидела часами у палаты, рассказывая обо всём, когда очередная хворь одолевала хрупкое дитя. Она выросла общительной, красивой и бойкой девицей. Все девки набивались в подруги, молодцы звали в жёны. Мира была совсем другой — молчаливая, сторонящаяся людей, никчёмная. Но Рада всё равно тянулась к ней. Звала лучиком солнца из-за ярких волос, что достались от прабабки, да всегда была рядом, когда нужна была. Будто чувствовала, когда в сердце плескалась тоска и спешила её утолить.

Солнце окончательно скрылось, и над полем разлилась синяя мгла. Вдалеке, на горизонте, из печей повалил первый дым — деревня готовилась к ночи. Но Мире казалось, что жизнь там чужая. Что она не была частью этого быта и больше никогда не сможет стать его частью.

Она вернулась к тропке, ведущей обратно, но шаги её были медленны. В голове звучали слова жрицы: *«Ты — предвестница. Где одна душа спасена, другая может быть потеряна»*. И чем ближе становилась полночь, тем яснее она по-

нимала: её путь не будет лёгким. Рада ступала следом. Незаметно провожая взором подругу.

Когда Мира вошла в избу, мать уже спала, уставшая от слёз. Отец сидел неподвижно, словно камень, и только глаза его блуждали в темноте. Он не сказал ни слова, но Мира почувствовала — он знает больше, чем показывает.

Она сменила рубаху и села на полати. Внутри всё горело ожиданием. Время тянулось мучительно медленно, и каждый удар сердца напоминал шаг к неизбежному.

И вот, когда тьма стала густой, а луна поднялась над лесом, Мира встала. Накинула на плечи шерстяной платок и вышла из избы. Полночь близилась. Жрица ждала.

Тропинка к избе была узкой, но протоптанная десятками ног, что шли к жрице каждый день за советом, помощью, спасением, и каждый шаг отдавался в тишине. Жрица жила в крайней хате, чуть поодаль от других изб. Её кров почти прикасался к лесу. Единственной его части, где туман властвовал уже многие десятилетия. Лишь стволы ближайших деревьев проступали сквозь зыбкую дымку, дальше же лес исчезал в непроглядной гуще. Идя к той избе, непрощенная ученица чувствовала, как Боги и духи сопровождают её, наблюдают за каждым шагом. Но Мира шла, не оглядываясь.

Дверь в избу была открыта, зазывая гостью. Мира нерешительно переступила порог, и голова закружилась от резкого запаха жжёной полыни. Жрица сидела у стола, перебирая травы, камешки и обереги.

— Проходи, дитя, не стой в дверях, — сказала она, не отрываясь от дела.

Мира закрыла дверь, шагнула ближе, и в этот миг почувствовала, как изба начала давить на неё. Будто сам сруб медленно сжимался вокруг, сдавливая воздух.

— Мы тут вдвоём. В избу никто не войдёт и ничего не услышит, даже если кто-то под окном сядет. Такова моя воля. Поэтому говори со мной открыто, дитя. А поговорить уж нам есть о чём.

И ночь, как оказалось, только начиналась.

Глава 5

Старая жрица заварила травы, поставила два кубка на стол, достала из сундука подле печи медовые лепёшки и положила несколько перед Мирой.

— Дитя, Расскажи мне: ты ведаешь, какова доля жрицы? На какую стезю ступает она? И что сокрыто в сём звании? — спросила она, усаживаясь на скамью напротив и делая глоток отвара.

— Хранить деревню. Хранить людей, животных. Мир Яви от мира Нави оберегать.

Жрица улыбнулась и какое-то время молчала, будто обдумывая слова юной ученицы. Мира же невольно начала сомневаться в своих словах. Щёки залило краской, а взор испуганно опустился в пол.

— Ты всё правильно сказала. А ещё доля жрицы — быть проводником между миром Яви, Нави и Прави. Многие думают, что только нечистые могут в игры играть, но Богам мы так же интересны, как и нечисти. И иногда они готовят для нас тяжёлую долю. Жрецы говорят с Богами, встают пред ними и молят о лучшей доле. А порой и о более страшной. И ступая на эту тропу, будь готова принимать тяжёлые решения. Тебя не станут любить. Но и ненавидеть не будут. Каждый твой шаг будет нести страх, трепет и почитание. Но в первую очередь — всегда страх.

— Но почему люди боятся? Жрецы и волхвы ведь оберегают их.

— Люди боязливы по своей природе. Всё, что им самим не дано, вызывает либо зависть и жажду овладеть тем же, либо страх и злобу. Ты ведь и сама боишься. Никто даже имя моё не смеет называть. Все жрицей кличут. И только волхвы не забыли его. Но теперь ты одна из нас. Боги выбрали тебя. Они открыли тебе тропу тайную. И найдутся те, кто будет хотеть вступить на неё вместо тебя. Но найдутся и те, кто захочет, чтобы ты сгинула на том пути. Так было, есть и будет.

Мира слушала, заворожённая голосом жрицы. Та смотрела внимательно в лицо своей ученицы и продолжала рассказ:

— Тебе дарован великий дар. Сам Святобор послал тебе силу, позволив найти цветок — сердце леса. Род начертал твою судьбу, а Мокошь связала нитями, которые помогут в этом пути. Велес отныне твой покровитель, и он дарует тебе свои знания. От сего и помни: отныне ты ведающая, судьбе-ница и предвестница. Тебе даровали три великих дара. Не каждый достоин такого, но Боги избрали тебя. И тебе теперь надо научиться слышать их, нести их волю в мир и хранить покой.

— Вы говорите, что найти цветок — редкость. Но почему? И... Я не знаю, где он. Проснулась, а его нет. Спрашивать у матушки негоже было, ей не до того.

— Цветок есть сердце леса. Тому, кто его найдёт, лес поможет. Будет оберегать. Даже туман станет не так опасен.

Нечисть будет сторониться. Но ты ещё недостаточно сильна и не всё ведаешь, потому не надейся на долю случая. Коли пойдёшь в туман сейчас — то сгинешь. И ничего тебе не поможет. А найти цветок и впрямь редкость. Последний раз его находили семьдесят лет назад. Но вернее будет сказать, что это он находит людей. Нельзя найти его кому попало. Сердце леса должно выбрать. А коли и посчастливится его встретить, никто не сможет его сорвать, если не был им избран. А рядом его нет боле, потому что цветок — лишь символ. Теперь он часть тебя.

— И кто его нашёл? — спросила Мира, слушая речи жрицы с удивлением и интересом.

— Ты так наивна, дитя. Неужто не догадываешься? Я его нашла. Семьдесят лет назад. Будучи ещё совсем юной. Ты ведала, что у меня тоже была сестрица? Старше меня на несколько лет. Мне было пятнадцать лет от роду, и она впервые взяла меня в лес искать цветок. Этой традиции много веков. Гуляние было весёлым, а потом все пошли на поиски. Цветок избрал меня, а сестрицу забрал. Всё имеет цену. И ценой моей силы и знаний стала жизнь и душа моей сестры. Искали её всей деревней. Это сейчас в деревне так мало жителей. Всего семь десятков голов, не считая ребятни. Раньше же пять сотен голов и ещё две сотни детей. И весь народ отправился на поиски, да никого не нашли.

— Как это, деревня была больше? Куда ж все делись?

— Правильные вопросы задаёшь, дитя, — сказала жри-

ца, и улыбка её окрасилась болью. — За избой моей кромка леса, ты знаешь. Так вот, не лес это вовсе, а так, пять редких полос деревьев да кусты. Теперь там туман. Раньше там тропка была сквозь деревья и вторая часть деревни. А за ней уж настоящий лес. Богатый лес. Ягоды, грибы, лесная дичь. Всего вдоволь было. Мы всё диву дивились, почему ж лес один, и на той половине так богато, а у нас так бедно. При том, что и болот там много скрытых. Не туда ступишь — да в трясины с головой. Так вот, там большая часть деревни была. Множество хат, ещё больше людей. Только через девять дней от пропажи сестры моей пришёл туман. Он быстро поглотил ту часть деревни, унёс всех с собой. Никто не успел уйти. Я видела, как народ бежал к нам, ища спасения. Видела, как они утопали в тяжёлой испари. Как руки их, протянутые к нам, преодолевшие уже лесную преграду, вдруг исчезали в тягучей, непроглядной мути, будто затягивал их туда кто-то. Так и сгнули все. Но души их всё так же бродят там. Неупокоенные. Ищут спасения и отмщения. Я чувствую их. И в Велесову ночь их можно услышать и увидеть. Но ни в коем случае нельзя пускать. Береслав, Венедор каждый год помогают мне. Мы просим Богов, проводим обряд, дабы не пустить нечистые души сюда. Но Береслав уже стар, сила его угасает. Его место займёт Венедор, а на его придёт Володарь. А ты должна быть усердной ученицей и занять моё место.

— Но почему мы просто не уйдём? Не весь лес туманом поглощён. Можно отыскать тропу и уйти...

— Дитя, туман всюду. Боги сдерживают его, поэтому есть места, куда он ещё не добрался. Места, где мы охотимся, собираем грибы и ягоды. Но это не значит, что тропки есть. Ты думаешь, что за столько лет мы не пытались? Только люд зря губили. Нет пути отсюда. Только благословением Богов и живы. Только их воля сдерживает белую мглу. Лес за моей избой — прямое доказательство его силы и угрозы, что нависает над нами. Вас с детства учат, что даже подступаться к этой завесе нельзя, и это урок поколений. А коли туман завладеет всем лесом — тогда путь туда будет закрыт навеки. Только я и волхвы можем вырваться оттуда. Но если ты сможешь впитать мою силу и знание, тоже сможешь с ним сражаться. Боги будут оберегать тебя.

Жрица долго молчала, глядя в огонь. Пламя отражалось в её глазах, и Мира вдруг почувствовала, что в этом взгляде есть что-то большее, чем простая забота.

— Песня, дитя... — произнесла она тихо, почти шёпотом. — Её смысл не в словах, что ты слышишь. Слова — лишь оболочка. Истинное же сокрыто в дыхании ночи, в трепете трав, в том, как звёзды склоняются к земле.

Мира нахмурилась, не понимая, что хочет этим сказать старая жрица, но не решилась спросить.

— Ты думаешь, что это только песня? Красивые слова, которые поют на Купалье? Но это не легенда, не просто красивые слова. Это пророчество. И речь в нём не о цветке. Цветок — лишь знак. Он избрал вас обеих. По неведомой при-

чине, но даровал вам великую судьбу. Одну забрал в тень, другую в свет. Но то, что истинно скрыто в песне, то не для твоих ушей ныне.

Она сделала паузу, и в избе стало так тихо, что Мира услышала, как трещит смола в полене. Казалось, ещё чуть-чуть — и она услышит стук собственного сердца.

— Когда придёт время, ты поймёшь, — продолжила жрица. — Поймёшь, почему огонь всегда рядом с тобой. Почему лес шепчет тебе не только о защите, но и о силе, что может превратить всё в прах.

Мира вздрогнула. Она почувствовала, что жрица знает больше, чем говорит. Будто она знает о её снах и видениях. И каждое слово из её уст пахло дымом, словно в избе горели не только дрова, но и нечто иное, более страшное и таинственное.

— Но не бойся, дитя, — жрица наклонилась ближе, и её голос стал мягче, будто она уловила волнение и смятение юной ученицы. — Свет и Тень всегда идут вместе. И судьба твоя велика. Я научу тебя слышать, я помогу тебе овладеть силой. Но не всё тебе ведомо ныне. И не всё должно быть ведомо. Придёт час — и откроются тайны. И тогда ты сможешь спасти душу сестры. Но не сейчас. Ты ещё слаба.

Она замолчала, и в её молчании было больше смысла, чем в словах. Мира почувствовала, как сердце её сжалось: будто сама песня, которую она знала, скрывала нечто страшное, что ускользало от её понимания прежде и начало открывать-

ся сейчас, не предвещая ничего доброго.

— Ступай, дитя. Отныне ты ученица жрицы. Слушай и запоминай всё, не страшись видений, не страшись силы и знаний. Отдохни и на утро ступай к волхвам. С них начнётся твоё обучение.

Мира поднялась и нерешительно вышла из избы. Спинай она чувствовала тяжёлый взор старой жрицы. До избы Мира бежала. Бежала, не оглядываясь, не боясь споткнуться и свалиться. Даже вне избы жрицы она чувствовала её взгляд, тяжесть её слов и секретов, которые та не спешила открывать.

Вернувшись домой, она не увидела ни отца, ни матери.

«Наконец уснули небось. Пусть отдыхают. Слишком много свалилось на них отныне», — подумала Мира и заперлась в комнатухе. Без Зоряны всё казалось холодным и пустым.

«Чего ж она — Тьма, а я — Свет? Не может такого быть. Где я, там только холод, а она всегда несла тепло. Горела огнём в этом мире. Али может, Боги ведают нас лучше, чем мы сами?»

Думы не отступали, не давали уснуть до рассвета. И стояло первым лучам солнца окрасить небо, Мира поднялась и поспешила к волхвам.

Глава 6

Мира нарядилась в удобное платье, повязала красный пояс на талию, прибрала волосы и вышла из избы. Родители, обычно рано встающие и уже вовсю занимавшиеся работой, ныне спали, измождённые событиями минувшего дня.

Она шла по улице, наблюдая за пробуждением деревни. Хотела набрать воды и тем самым хоть как-то помочь родителям. Скот выходил из загонов на пастбища, ведомый детьми. Кто-то из мужиков колол дрова, кто-то занимался ковкой, кто-то чинил обветшалые постройки, а кто-то уже был пьян от медовухи. Женщины шли стирать или работать в поле. Солнце медленно ползло на небосвод, зажигая его алым пламенем.

Мира не могла оторвать глаз от красивого и пугающего одновременно зарева.

«Принеси нам, кровавый рассвет, силу жизни. Подари перемены к лучшему. Сожги все невзгоды и принеси удачу каждому из нас», — прошептала Мира себе под нос, словно заговор, эти слова.

Сама не заметила, как ноги привели её к хате на отшибе, с другой стороны деревни. Немного покосившаяся, заросшая травой почти по колено и высоким чертополохом. Видно было, что хозяева мало времени уделяют дому. Да и когда волхвам заниматься бытом? То нечисть в лесах гонят от деревни,

то у Богов милость выпрашивают. Даже еду им носят жители, дабы те не тратили силы попусту.

Мира выдохнула и подошла к двери. Рука потянулась, чтобы постучать, но не успела коснуться дерева, как дверь уже отворилась.

— Чего надобно? — проговорила ведьма, стоящая в пороге. Её тёмные, почти чёрные очи наблюдали за девицей. Одна рука держалась за косяк, вторая упиралась в бок. Длинные чёрные волосы лились рекой по плечам и груди, сливаясь с таким же чёрным платьем. И только цветочная красная вышивка разбавляла образ, но создавала жуткое ощущение, будто это не красивая вышивка, а капли крови. Загорелая кожа слегка поблёскивала в первых лучах, а губы искривились в недовольстве, ожидая ответа.

— Меня... Меня жрица к волхвам отправила... Учиться...

— Так ты и есть та юная ученица? — сказала ведьма, окидывая Миру ещё одним оценивающим взглядом. — Тогда проходи. Они ушли в лес ночью и ещё не воротились, но скоро явятся. Можешь подождать их, коль не страшно.

— А... Чего ж мне бояться? — спросила Мира, но голос предательски дрогнул.

— Как же? Неужто не ведаешь, кто я?

— Ведаю.

— И кто ж?

— Ведьма, — сказала Мира, и из лёгких будто кто-то вы-

бил весь воздух.

— Ведьма. И проклясть могу. И говорят, что одним лишь взором своих поганных глаз убиваю. Не боишься? Тогда проходи.

Мира напряглась. Слова ведьмы резали острее ножа, а голос был груб, как неотёсанный камень. В глазах искрилось что-то пугающее. Не угроза, а что-то другое. Но Мире было велено идти к волхвам утром, а значит, нужно дожидаться. Она могла бы остаться на улице, ждать возвращения волхвов, но показывать свой страх и неуважение к ведьме совсем не хотелось.

Она вошла в избу осторожно, будто каждый шаг мог разгневать хозяйку. Внутри пахло сушёными травами и дымом. Аромат одновременно горький и сладкий, но удивительно приятный. Солнце едва пробивалось сквозь полураскрытые ставни, оставляя помещение в полумраке. Ведьма собирала высушенные травы, подвешенные у печи, и, казалось, совсем не обращала внимания на незваную гостью.

Мира села на лавку и нервно заламывала пальцы, молясь, чтобы волхвы вернулись поскорее.

— Чего зашла, коль боишься? — спросила ведьма, прервав тишину.

— Не боюсь... — ответила Мира, но голос снова дрогнул.

— Я, может, и не жрица, не волхв, но тоже не глупа. Можешь мне не врать. Чую это за версту.

— Я просто... Не думала, что встречу...

— Ведьму?

— Да...

— Почему ж? Вся деревня знает, что Береслав меня к себе жить забрал. Венедор против не был, а потом появился мальчишка, но ему слова не давали.

— Знаю, но говорят... Что ты днями и ночами колдуешь. Не бываешь в деревне. Только коли случится горе, чтобы напиться им, аль если волхвы позовут зачем-то...

Мира говорила и сама понимала, как глупо всё это звучит. Ведьма была простым человеком, которому нужен сон, пища и кров. Но то, что говорили с детства, нелегко искоренить.

— Вы в деревне все меня ведьмой кличете. Помнит ли хоть кто-то из вас моё имя? Или проклятой заклеили и лишили всего, даже имени? Ты сама-то знаешь, кто я на самом деле и как меня зовут, Мира?

Девушка поёжилась от стали в голосе ведьмы. Та знала всё обо всех. Не было ни единой тайны пред лицом чёрной души.

— Стана... — шёпотом проронила Мира, будто боясь произносить вслух.

Ведьма повернулась к Мире и долго смотрела, не моргая. Но этот взгляд почему-то не внушал страха или желания убежать. Впервые Мира увидела в ведьме человека. Чувствующего печаль и поглощённого болью. Глаза её сияли чёрными искрами, но не от гнева, а от благодарности. Благодарности за то, что Мира говорит с ней, боится, верит в черноту

ведьмы, но не испытывает зла, не пылает ненавистью, как все остальные.

Мира опустила глаза, чувствуя, как сердце бьётся всё быстрее. Она не знала, что сказать, и лишь тихо выдохнула. Ведьма, заметив её смятение, усмехнулась уголком губ, но в этой усмешке не было злобы, только усталость.

— Люди любят страшить друг друга, — сказала она, возвращаясь к своим травам. — Так проще объяснить то, чего не понимают. А я лишь делаю то, что умею. Лечу, обороняю себя, иногда прошу силы у тех, кто выше нас, иногда у тех, кто ниже нас. Но для них это — колдовство.

Мира подняла взгляд и пристально наблюдала за каждым движением ведьмы.

— А разве это не колдовство?

Ведьма обернулась, и её глаза блеснули в полумраке.

— Колдовство — это слово. А сила — она в каждом. В тебе тоже. Разве жрица не колдунья? Разве волхвы не колдуньи? Они делают то же, что я. На некоторые вещи не хватает им силы, на другие — смелости. Но они ничем не хуже и не лучше. Разница лишь в том, что они убивали, прикрываясь Богами, а я... Забудь. Тебе многое ещё неизвестно, но если пожелаешь, оно откроется. Тебя за тем сюда и отправили. Учиться силе.

Мира вздрогнула. Слова ведьмы будто проникли в самую глубину её души.

— Но я... я не знаю, смогу ли.

— Никто не знает, пока не попробует, — ведьма подошла ближе, её шаги были мягкими, но тяжёлыми, словно несла она груз веков. — Ты боишься меня, но всё же сидишь здесь. Это уже сила.

За дверью послышался шум, будто кто-то пробирался сквозь заросли чертополоха. Ведьма вскинула голову, её лицо стало серьёзным.

— Волхвы возвращаются, — произнесла она тихо. — Сейчас увидишь, что значит настоящая сила.

Мира вскочила с лавки, сердце её забилося ещё сильнее. Она не знала, что ждёт её дальше, но чувствовала: утро, начавшееся с кровавого рассвета, принесёт перемены, которых она давно ждала.

Хлопнула дверь, и в избу вошли двое мужчин и юный ученик в длинных одеждах, накидках из шкур животных, отражающих их роль, силу и дающих покровительство зверя, носимого на плечах, с посохами в руках. Их глаза сияли так же, как зарево на небосводе. Ведьма отступила в сторону, а Мира поняла — её испытание только начинается.

Трое волхвов вошли в избу, и воздух стал тяжелее. Они выглядели иначе. Бороды и волосы Береслава и Венедора были заплетены в косы, на которых поблёскивали амулеты, вырезанные из дерева, камня и кости. Их плечи были напряжены, а в глазах плясал огонь уверенности. Юный волхв прожёл Миру взором, и та потупила взгляд в пол, будто пристыженная за свою смелость глядеть на служителей Богов.

Ведьма, как ни в чём не бывало, занялась травами, не обращая внимания на происходящее за её спиной. Будто не было в избе ни Миры, ни волхвов. Старший волхв подошёл ближе, опираясь на посох.

— Мира, — Береслав произнёс её имя так, словно пробуя его вкус. — С сегодняшнего дня у тебя будет новое имя. Ты пришла вовремя. Кровавый рассвет был знаком. Значит, время пришло.

Младший волхв добавил:

— Знаком перемен. Сегодня ты обретёшь не только новое имя, но и новую душу.

Вновь в диалог вступил старший волхв:

— Ты должна научиться чувствовать то, что скрыто за словами и вещами. Не только слушать, но и слышать. Не только смотреть, но и видеть.

Мира кивнула, не понимая до конца, но ощущая, что слова ложатся на сердце тяжёлым грузом.

Старший волхв повернулся к ведьме:

— Пойдём, — сказал он и направился в другую комнату. Ведьма последовала за ним, не говоря ни слова.

Довольно скоро волхв снова вышел в переднюю комнату. Лицо его было ещё мрачнее, чем прежде. Он смотрел на Миру, не моргая, но затем заговорил, будто не было прежде никакого напряжения.

— Первое, чему ты научишься, — терпению. Без него нет пути. Второе — различать правду от лжи, свет от тьмы. А

третье — помнить, что сила дана не для себя, а для других и сокрыта она во многом, о чём вовек не догадаешься.

Мира опустила голову, чувствуя, как в висках начинает стучать.

— Я постараюсь.

— Постараться — мало, — сказал младший волхв. — Нужно решиться. Ты...

Старший поднял руку, и в избе стало тихо.

— Сегодня ты останешься здесь. Ночью мы пойдём в лес. Там узнаешь, кто ты есть на самом деле.

Мира почувствовала, как холод пробежал по спине. Но вместе с этим — странное тепло, будто её приняли в круг, куда не пускали никого постороннего.

Ведьма, вышедшая наконец из комнаты, усмехнулась.

— Ну что, девица, готовься. Лес не прощает слабину.

Глава 7

— Пойдём, — сказал старый волхв и ушёл в соседнюю комнату.

Стана знала, о чём он будет спрашивать, но отвечать не хотелось. Было в этой девице что-то, что не давало ей покоя. И дело вовсе не в запахе гари, который пришёл вместе с ней в избу, и не в могильном холоде, что витал вокруг. Сама девица излучала что-то светлое и тёплое. Что-то давно забытое и утраченное, пробуждающее странные чувства внутри.

Ведьма прошла за волхвом, зная, что тот всё равно не выйдет, пока не поговорит. Волоком не потащит, но и отступить не станет. Затворила дверь, сложила руки на груди, ожидая расспроса. Волхв не торопился начинать разговор, а она просто смотрела на него пристально, не скрывая ухмылки.

— Что, тяжёлая задачка выпала на склоне лет?

Береслав поднял на неё тяжёлый взор.

— Что почуяла от неё?

Стана сузила глаза, всматриваясь в постаревшее лицо волхва. Она помнила его молодым. В памяти то и дело всплывал он — сильный, уверенный, похожий на Венедора, но с суровостью, что ныне досталась лишь Володарю. Она всё ещё видела в нём того прежнего волхва и всякий раз удивлялась, замечая, как он постарел.

— Ты сильно постарел. Отвар для поддержания силы вы-

пьешь? — спросила Стана и сама удивилась, что в её голосе прозвучали отзвуки заботы.

— Не переводи разговор. Что ты увидела в девице? Что почуяла?

— Пахнет дымом. Несёт с собой всюду запах гари. И холод вокруг неё вьётся. Могильный.

Береслав тяжело выдохнул и опустил голову на руки. Старые кости хрустнули от резкого движения. Сейчас в нём не осталось и капли той силы, что излучала его прежде, и даже той призрачной, что оставалась с ним донине.

— Девицу надо наставить на путь. Указать дорогу и судьбу. Спасти и уберечь.

— Какова ж её судьба?

Волхв не ответил. Даже не шелохнулся, погрузившись в свои думы. Стана так и наблюдала за ним. В ней шевельнулся страх. Впервые за всю жизнь она ощутила, что волхв боится.

«Неужто боишься какой-то девицы? Что ж в ней такого?» — пронеслось в голове у ведьмы.

Ощувив, что молчание затягивается, волхв резко встал и вышел из комнаты.

Стана слышала его голос, перебиваемый Венедором. Он старательно скрывал свои чувства, но она уловила их.

«Что ж у тебя за судьба, Мира?» — задумалась ведьма, а перед глазами снова всплыл назойливый образ.

Синие наивные глаза, что смотрели с таким сочувствием, будто утешая всех вокруг. Рыжие непослушные кудри, что то

и дело выбивались из косы. Стана иногда украдкой наблюдала за девицей, когда собирала травы. Та тоже любила уединение. Пряталась у кромки леса, плетя венки и напевая что-то под нос. Она расплетала косу, позволяя ветру играть с волосами, создавая причудливые узоры. Казалось, что в небе вспыхивают озорные огоньки. Много времени она проводила на солнце. Работала в огороде, ухаживала за скотом, но кожа её никогда не теряла природной бледности. Словно сама зима поцеловала её в материнской утробе. Тонкие руки, хрупкие плечи, впалые щёки.

«Она красива, но не для этой погани, что населяет избы. Не понять им. Хрупкая как лёд, точёная, спокойная. А этим только груди попышнее, да бёдра помягче подавай. Глупцы» — так всегда думала ведьма, глядя издали на юную девушку.

Глава 8

Весь день Мира наблюдала за бытом волхвов. Ей всегда казалось, что их жизнь скрыта за завесой тайн. Что каждое их движение наполнено магией, каждое слово пропитано силой. И будто все мирские заботы и дела чужды им. Но чем больше она смотрела, чем дольше наблюдала, тем яснее понимала, что они обычные люди. Они так же топят печь, ухаживают за домом, кормят скотину, стирают свои вещи и готовят еду. И всё же проскальзывало нечто странное в их повседневности. Незначительные, мелкие детали, которые вплетались в обыденность и создавали новые ритуалы.

Прежде чем зажечь огонь, они замирали, прикладывая ухо к печному устью. словно прислушивались к поленьям, ждали дозволения зажечь их. Когда они связывали пучки трав, то всегда завязывали необычные узлы. Для каждого вида трав — свой особенный узел. От каждого засушенного пучка отрывали несколько листков или соцветий, разминали в пальцах и сдували, пуская по комнате, нащёптывая что-то неразборчивое под нос. В эти мгновения воздух становился гуще, а звуки затихали, и Мире чудилось, что весь мир ждёт, пока волхвы завершат свой ритуал, и лишь тогда снова получит дозволение заговорить и ожить. Юная жрица смотрела на всё это и понимала: их быт — это та же повседневность, только вплетённая в ткань знаков и намёков. Для чу-

жого глаза они остаются загадкой, но для самих волхвов — это простая жизнь, где тайна живёт не в великих обрядах, а в мелочах.

Стана занималась своими делами. Варила отвары, вышила знаки силы и защиты на одежде волхвов, вырезала новые амулеты. Её действия были уверенными, выверенными и выточенными годами. Но благодаря этому дню Мира поняла, что не так страшна ведьма, как её рисуют. Груба, своенравна, но не жестока. И колдовство её, хоть и отличается от того, что делают волхвы, но несёт ту же роль, платит ту же цену, а может и большую.

Ближе к вечеру волхвы сели за стол, поставили блюда и принялись ужинать.

— Чего сидишь? Иди есть. Голод не придаёт сил, а отнимает. А силы нам всем понадобятся.

Мира нерешительно поднялась и присоединилась к волхвам. И только ведьмы не было за столом.

«Интересно, почему она не со всеми?» — подумала Мира.

— А почему за стол не... — хотела спросить Мира, но Береслав прервал её.

— Стана не хочет ужинать, — сухо отрезал волхв.

Мира не притронулась к еде. Лишь смотрела на яства и думала о своём. Она думала об испытании, которому её подвергнут волхвы и Боги этой ночью. Думала о Стане, которая странно на неё глядела своим ведьминским взглядом, но не напугала, а лишь заставила желать её узнать. Что скрывает

ведьма? О чём тоскует?

В сумерках на стенах вспыхивали отблески, хотя ни свечи, ни огня рядом не было. Волхвы не удивлялись — принимали это как часть привычного порядка, как будто свет сам по себе был их спутником.

Волхвы собрали свои вещи и вместе с Мирой отправились в лес. Тени становились гуще, и каждый шаг казался частью обряда, хотя никто не произносил слов.

Но вскоре она заметила странное: шаги волхвов стихли, их силуэты растворились в темноте. Мира осталась одна, окружённая лесом, который вдруг показался чужим — не тем, что она знала прежде.

Деревья вытянулись, их ветви переплелись, образуя своды и закрывая небосвод. Воздух стал вязким, и в нём слышался шёпот, не принадлежащий ни зверю, ни человеку. Ни луна, ни звёзды не были в состоянии пробиться светом сквозь густые ветви, но всё вокруг было сумеречным, серым. Она поняла: это не тот лес, а иной, где живут силы, скрытые от обычного глаза.

И тогда из-за деревьев раздался смех. Пугающий, похожий на треск сухих веток. Из тьмы вышла шишига. На первый взгляд — уродливая женщина с длинными космами, блестящими, как мокрый мох. Но её глаза были пустыми, чёрными, а движения слишком быстрыми, словно она скользила, не касаясь земли. Она протянула руки, длинные и костлявые, и ученице жрицы показалось, что пальцы её — это

корни, готовые оплести и загубить.

— Ты пришла не туда, куда следовало, — прошипела нечисть. — Теперь лес заберёт твоё сердце.

Юная жрица отступила, но вокруг не было ни тропы, ни выхода. Лишь бескрайние, непроходимые лесные просторы и глаза духа, готового отнять её жизнь.

Мира почувствовала, как холод пробирается под кожу. Она сделала шаг назад, но земля под ногами будто ожила. Корни извивались, хватая её за ступни, мох затягивал, как болотная топь.

— Я не боюсь тебя, — выдохнула она, хотя голос дрогнул.

Шишига склонила голову набок, и её космы зашевелились, будто в них прятались живые змеи.

— Не боишься? — хрипло рассмеялась нечисть. — Тогда докажи.

И шишига бросилась на девушку. Их тела столкнулись с такой силой, что казалось, сами деревья покачнулись, а по земле прошла дрожь. Когти нечисти рассекали воздух, оставляя за собой резкий запах сырости и гнили, а Мира едва успевала уклоняться, чувствуя, как острые ветви царапают её плечи. Корни, ожившие под ногами, хватали её за ступни, тянули вниз, и каждый рывок освобождения оставлял на коже кровавые полосы.

Шишига смеялась, и её смех был похож на треск ломаемых костей. С каждым новым броском она становилась быстрее, будто сама тьма подталкивала её вперёд. Мира, задыха-

ясь, схватила камень и ударила им по лицу нечисти; раздался хруст, словно треснула старая древесина, и из пустых глазниц шишиги брызнула чёрная жидкость, похожая на смолу. Но вместо того чтобы отступить, нечисть завизжала и навалилась на девушку с ещё большей яростью, стараясь повалить её на землю.

Они сцепились, катаясь по земле: космы шишиги били, как плети, оставляя на коже жгучие следы, а руки Миры отчаянно отталкивали её, царапая и раздирая. Лес вокруг будто ожил. Корни извивались десятками змей, деревья качались и скрипели, подбадривая нечистую силу. Борьба превратилась в жестокое, почти звериное сражение, где каждая из них пыталась вдавить другую в землю, и казалось, что сам лес жаждет крови, дрожа от ярости и предвкушения.

Шишига вцепилась в Миру с яростью, когти её рассекали кожу, оставляя глубокие раны на руках, плечах и лице. Ладонь девушки была рассечена, кровь струилась, и силы стремительно покидали её. Она запуталась в корнях и космах нечисти, дыхание стало прерывистым, и мысль о скорой гибели уже легла тяжёлым грузом в сердце.

Но вдруг сквозь шум леса донёсся шёпот — тихий, настойчивый, будто сам воздух говорил ей: *«Нарисуй громовой знак»*. Этот шёпот повторялся, доходил со всех сторон, заполняя собой тишину леса, но казалось, что шишига не слышит этот голос. Мира собралась с остатками сил, рывком откинула шишигу прочь, и этого мгновения хватило, чтобы

прижать окровавленную ладонь к платью. Торопливо, дрожащей рукой она выводила знак, и ткань, напитываясь её кровью, проступала на себе спасительным узором.

Шишига застыла, глаза её расширились, в них мелькнул страх. На миг лес замолк, а затем нечисть заорала. Пронзительно, так, что дрогнули ветви. И, словно разорванная самой тьмой, она метнулась прочь, растворяясь в чащобе, оставив Миру среди дрожащих теней и шёпота, который теперь звучал как одобрение.

В этот миг Мира вспомнила слова Станы, сказанные утром почти невзначай: *«Лес не прощает слабину»*.

Она закрыла глаза и прислушалась. Шёпот ветвей стал понятнее — не угроза, а зов. Лес не хотел её смерти, он испытывал её.

Мира опустилась на колени, коснулась ладонью влажной земли и прошептала:

— Я пришла не осквернять, не разрушать. Я пришла учиться, — сказала девушка и закрыла глаза.

И в тот же миг вернулись звуки ветра, мох под руками стал сухим и тёплым, а на её плечо легла чья-то рука. Мира открыла глаза и увидела знакомый лес. Цветной и родной. Впереди клубился туман, а вокруг неё стояли три волхва. Взгляды Венедора и Береслава были серьёзны, лица напряжены. Володарь же напротив с каким-то пугающим интересом всматривался в лицо юной жрицы, перепачканное кровью платье.

— Где была? Кого видела? — спросил Венедор, опережая Береслава.

— В лесу... В каком-то другом лесу. Одновременно и этот, и другой. И... Там была шишига. Она пыталась меня убить. Но... Лес шепнул нарисовать знак. И она ушла.

Мира перевела взгляд на свои руки. Те на самом деле были изранены. Кровь запеклась и смешалась с грязью. Платье было испачкано кровью, но знак, нарисованный на подоле, всё так же чётко был виден.

— Вернулась — и то хорошо, — сказал Береслав, но лицо его выражало задумчивость. Он что-то не договаривал, и Мира видела это, но спрашивать сил уже не было. — Пойдём. Хватит с тебя на сегодня.

— Почему я туда попала? И... Я могла умереть?

— Могла. Лес испытывал твою силу. Если бы сгинула, осталась бы бродячей душой в том месте, а на твоё место Боги бы избрали новую душу, — Береслав говорил уверенно, будто не заботясь о жизни юной ученицы. — Но я рад, что тебе хватило силы. Ауда слабеет, деревне нужна новая жрица. Раз ты выбралась, значит, Боги сделали верный выбор.

Венедор и Володарь подхватили девицу и помогли идти. Береслав в задумчивости шёл впереди. Руки Венедора поддерживали Миру бережно, аккуратно. Володарь, напротив, держал грубо, уверенно, впиваясь пальцами в кожу. Но боли не было. Казалось, сквозь прикосновение он пытался передать часть своей силы, часть уверенности юной жрице.

Лес выпустил их быстро. У самой кромки стояло какое-то животное, скрытое во тьме ночи. Когда волхвы с юной жрицей приблизились, животное двинулось в их сторону. Оно приблизилось быстро, игриво виляя хвостом.

«Как давно я не видела лисиц!» — искренне удивилась Мира.

Она пробежала круг вокруг людей, будто совсем не боялась их. Подошла к юной жрице, прижалась головой к ноге, давая понять, что зла не уготовила. Поднялась на задние лапы, а передние вытянула к девичьей груди. Хвост лисицы оплёл ногу. Несколько мгновений длился этот неожиданный жест, а потом лисица так же быстро махнула хвостом и скрылась в глубинах леса.

— Ну что ж, значит, ты у нас теперь лисица. Жрица с этим животным будет сильной, — сказал Береслав, и процессия двинулась дальше, в деревню.

Глава 9

В деревне было тихо. Даже скорее глухо. Люди мирно спали в своих хатах, скот дремал в хлевах. И только в двух избах горели свечи. Где-то на одном краю деревни не спала старая жрица, беседуя с Богами и пытаясь увидеть грядущее. На другом же краю деревни не спала ведьма. Что-то тревожило её душу, разрывало изнутри, будто давно зажившие раны снова открылись и начали кровоточить.

Волхвы привели Миру к своей избе. Руки девушки дрожали от встречи с нечистой силой, кожа, и без того бледная, стала ещё светлее, прозрачнее.

Свечи освещали комнаты избы, в печи потрескивали дрова, разогревая горшок, стоящий в устье. В нём кипел травяной отвар, разнося по хате горький аромат. Но ведьмы нигде не было видно. Береслав прошёл вглубь избы, туда, где не горели свечи и мрак скрывал дверь в покои Станы. Венедор и Володарь остались с Мирой. Лица их были суровы, будто думали они о чём-то страшном. Из глубин дома доносились голоса. Это волхв говорил о чём-то с ведьмой. Но как Мира ни пыталась уловить их слова, слышала только неразборчивые звуки.

Через несколько минут волхв вернулся, поглядел на Миру и молча вышел из избы. Венедор и Володарь последовали за ним, оставив юную жрицу в полном непонимании.

— Пей, — сказала Стана, внезапно появившаяся словно из ниоткуда. В руках она сжимала большую глиняную кружку, наполненную до краёв мутно-зелёной жидкостью.

Мира аккуратно взяла отвар из рук ведьмы и сделала глоток.

Настой был горячим, пах полынью, зверобоем и чем-то с едва уловимой сладостью. Руки, обхватившие кружку, постепенно переставали дрожать. Каждый глоток обжигал язык, горечь сдирала горло, но именно это сейчас успокаивало, дарило ощущение чего-то привычного и родного.

Ведьма наблюдала за ней. Лицо её было освещено колеблющимся светом свечи: резкие тени ложились на скулы, глаза блестели, будто в них отражалась вся тьма ночного неба. Она молчала, но в этом молчании было больше слов, чем в любой речи.

Низким, чуть хрипловатым, но удивительно мягким голосом наконец сказала ведьма:

— Ты боишься.

— Да, — призналась Мира, не поднимая глаз. — Но не знаю, чего именно. Не знаю... или боюсь признать?

Стана чуть улыбнулась, и эта улыбка была не насмешкой, а признанием, будто она сама знала этот страх. Она протянула руку, бережно поправила выбившуюся прядь волос у Миры. Юная жрица вздрогнула, но не отстранилась.

«Почему я не двигаюсь? Почему это прикосновение кажется правильным, будто оно должно было случиться?»

Тишина в избе стала густой, вязкой. За стенами деревня спала, и только ветер шуршал в соломе крыши. Казалось, что весь мир сузился до этой комнаты, до свечи, до двух женщин, сидящих друг напротив друга. Слишком близко, чтобы укрыть хоть крупицу мысли. Слишком тесно, чтобы не ощутить то, что должно быть скрыто.

Мира подняла глаза и встретила взгляд ведьмы. В нём было что-то опасное: не угроза, а сила. Запретная и такая манящая.

«Эти глаза... будто знают меня лучше, чем я сама. Но откуда?»

Ведьма отвела взгляд, словно боялась, что Мира увидит слишком много. Движения её снова стали резкими.

— Настои успокоят тебя, — тихо сказала ведьма, словно пряча дрожь в голосе. — А завтра... Завтра всё будет иначе. Сегодня ты отказалась от прежней жизни, ступив на новую тропу.

Мира поставила чашу на стол, и пальцы её всё ещё слегка дрожали, но не от страха, а от чего-то другого, непонятного. Ведьма склонилась ближе, поправила свечу, и пламя качнулось, осветив их лица.

«Слишком близко», — подумала Мира, но не отодвинулась. Внутри всё сжалось, будто её сердце знало то, чего разум не хотел признавать.

Стана тоже почувствовала. Дыхание её стало неровным, движения чуть замедлились. Мира видела, как что-то терза-

ет ведьму. Чувствовала тяжесть её дум, хоть и не могла про-
честь их.

Тишина в избе была натянутой, как струна. За стенами шумел ветер, стрекотали ночные насекомые, но внутри всё было другим: воздух густой, горячий, будто сама ночь превратилась в огонь.

Ведьма протянула руку к травам на столе, но пальцы снова коснулись руки Миры. Девушка подняла глаза и встретила взгляд, в котором было слишком много: сила, тайна, связь. Ведьма резко отвела руку, будто обожглась.

— Тебе нужно отдохнуть. Ступай спать, — сказала она тихо, но голос дрогнул.

Мира кивнула, но знала: сна не будет. Внутри уже горело нечто новое, не дающее покоя.

— Ты можешь занять мои покои. Домой среди ночи идти не стоит. Ночи ныне беспокойные, можно и нечистых встретить. Отоспишься, а утром пойдёшь.

— Нечисть в деревне? — переспросила Мира с недоверием.

— Всё меняется. Грядут опасные времена. Ничему не удивляйся.

Мира смотрела на Стану, силясь задать волнующий вопрос, но боялась. Это не укрылось от внимательного взора ведьмы.

— Говори, коли хочешь. А то лопнешь сейчас.

— Как... Как ты думаешь, правду жрица сказала, что Зо-

ряна сгинула?

— В тумане никто, кроме волхвов и жрицы, не выживет. А сестра твоя — обычный человек. Таков путь ей уготован был, видать.

— Но я... чувствую её. Чувствую так, будто живая она.

— Ауда не позволит тебе пойти её искать. Есть у неё на то свои причины. Да и слаба ты ещё. А сестра твоя, коли и жива, то боле не человек, а часть нечистой силы, что бродит средь ветвей. И единственное, что ты сможешь сделать — сгинуть самой или научиться силе и спасти её душу, отправив в Правь или Явь при новом повороте кола.

Слова ведьмы звучали как гром среди ясного неба. В голове вертелись тревожные мысли.

Ведьма не стала продолжать разговор, прошла в сторону комнаты, молча призывая юную жрицу следом. Дверь распахнулась, и Мира вошла внутрь. Комната была простой. Луна пробивалась в покои, освещая их тусклым светом. Под потолком были подвешены травы, на полках вдоль стены и на столе стояли чаши с отварами и настоями. Палаты были прибраны и застланы войлочным покрывалом.

— Поспи, — сказала ведьма, оставаясь в дверях.

Мира прошла вглубь комнаты и неуверенно села на палати. Что-то терзало её, не давало покоя. Ведьма тоже это чувствовала, но не решалась или не хотела спрашивать. Стана развернулась, сделала шаг вперёд, уходя, но Мира окликнула её:

— Постой... — неуверенный голос прозвучал скорее как шёпот.

Стана замерла, не оборачиваясь.

— Ты... Ты можешь остаться?

— Как маленькая, боишься спать одна? — сказала Стана едко, но внутри неё всё дрогнуло.

Мира умолкла, легла на палати, укрывшись покрывалом, и отвернулась к стене. Щёки пылали от стыда.

«Ну зачем ты это сказала? Зачем тебе это нужно? Теперь ведьма пище прежнего будет насмехаться. Мало того, что нелюдимая, бесполезная дурёха, так ещё и глупости на уме...» — корила себя жрица в голове.

Но в своих мыслях она не заметила, как ведьма бесшумно подошла, откинула край покрывала и легла рядом. От неё веяло обжигающим холодом, словно от льда, покрывающего реку глубокой зимой. И всё же этот холод не был враждебным. Он обволакивал, словно защищал от чего-то невидимого, что бродило за стенами избы. Мира затаила дыхание, боясь пошевелиться. Сердце билось так громко, что казалось, ведьма услышит его.

Стана лежала неподвижно, но её присутствие ощущалось необычайно сильно. В темноте, где лунный свет лишь слегка касался их лиц, казалось, что сама ночь притихла, боясь спугнуть.

Тихим, как шелест травы, голосом, вдруг прошептала ведьма:

— О чём ты думаешь? Я пугаю тебя?

— Нет... — Мира едва слышно ответила, сама удивляясь своей смелости. — Ты не пугаешь. Ты... другая.

Мира повернулась к Стане, и их взгляды встретились снова. В ведьминском взгляде было что-то древнее, как будто сама земля смотрела сквозь её глаза.

— Другая... — Стана повторила это с горечью. — Так всегда говорят. Но никто не понимает, что значит быть иной.

Мира хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она лишь протянула руку, неуверенно коснувшись пальцев ведьмы. На миг показалось, что ледяной холод исчез, уступив место жару, пробежавшему волной по её коже.

Стана вздрогнула, но не отстранилась. Её пальцы ответили лёгким движением, и в тот миг по телу Миры пробежала дрожь, волосы встали дыбом, а дыхание замерло. Прикосновение было как молния — резкое, яркое, пробуждающее.

— Ты слишком смела для жрицы, — заметила она с лёгкой тенью улыбки. — Или слишком наивна.

— Может быть, — ответила Мира. — А ты не так страшна для ведьмы, как о тебе говорят.

Тишина снова накрыла их, но теперь она была иной — не вязкой и тяжёлой, а наполненной ожиданием. За стенами избы ветер стих, и ночь словно замерла, слушая их дыхание.

Ведьма закрыла глаза, и её лицо стало мягче, спокойнее. Но пальцы всё ещё не отпускали руку Миры.

— Спи, Мира, — сказала она тихо.

Мира не ответила. Она лежала рядом, чувствуя, как холод и тепло переплетаются, будто споря о том, кому принадлежит эта ночь. Страх перед ведьмой, о которой с детства слышала она много дурного, ещё трепетал внутри, но вместе с ним жило и что-то другое: тёплое, непонятное. Как если бы два диких зверя впервые уловили знакомый запах. Не враждебный, чужой, а подобный своему собственному.

«Стана...» — повторяла Мира имя в своей голове. — «Всю жизнь твердили, что ты зло. Проклятие Богов, навье отродье. Дык лучше ли я? И отчего же мне так спокойно подле тебя, ведьма, как прежде было спокойно подле Зоряны?»

Она слышала неровное, сдержанное дыхание ведьмы, словно та тоже не знала, можно ли доверять этому странному мгновению. Их плечи едва касались, но этого было достаточно, чтобы Мира почувствовала, что нет угрозы в этой женщине. Она слушает, признаёт, отвечает тем же.

Обе были брошены, ненавистны миру, который не оставил для них места. И в этой общей пустоте вдруг нашлось что-то, что можно разделить. Не слово, не жест, а присутствие двух израненных душ. Таких похожих и таких разных одновременно.

А снаружи, в чёрной тишине деревни, что-то шевелилось. Нечисть, о которой говорила ведьма, уже приближалась под сгущающейся ночью. Но внутри хаты две девы лежали рядом, и между ними медленно, осторожно рождалось понимание: они одной породы и одной природы.

И эта тихая, почти звериная надежда на понимание была сильнее любого страха.

Глава 10

Стана слышала, как вернулись волхвы. Она чувствовала, что с ними явился холод, а значит, и девицу почему-то тоже привели.

Тяжёлые шаги направлялись в её сторону. Дверь тихо отворилась, и в комнату вошёл Береслав. Его шаги были неторопливы, но в воздухе сразу стало тесно. Волхв остановился напротив Станы, и глаза его блестели тревогой.

— Стана, — прозвучало низко, с тяжестью, — пойди к Мире. Дай ей успокаивающий отвар. Она останется тут. Не спускай с неё глаз.

Стана резко подняла голову.

— Зачем? — Губы дрогнули, но ответ всё равно вышел ровным, даже упрямым. — Пусть Венедор нянчит девку. Или Володарь. Смотрит на неё, как волк на кость. Дык пусть грызёт.

Береслав нахмурился.

— Ты противишься? — в его тоне мелькнуло подозрение. — Венедор пойдёт к её родичам, а Володарь со мной вернётся в лес. Чую, назревает что-то недоброе.

— Я не нянька и не защитница. Коли грядёт что-то, девке безопаснее с тобой, а я за неё заступаться не стану.

— Ты не оставишь её в случае беды. Да и с тобой ей безопаснее, нежели дома. Я это знаю. Она останется под твоим

присмотром, такова моя воля.

Стана сжала пальцы, будто хотела удержать слова внутри. Она не ответила, но взгляд её вспыхнул, и волхв уловил это.

— Что тебя удерживает? Девушка для тебя не опасна, — произнёс он твёрдо.

Стана молчала. Но внутри, в глубине, мысль вспыхнула, как искра: «*Опасна. Не ножом, не кровью — а душою*».

Она отвернулась, чтобы скрыть раздражение. Но Береслав не отступил.

— Ты должна пойти. Мы не можем остаться. Я чувствую... Беда всё ближе.

— Тем более. Если чувствуете беду, то и быть тут обязаны. Защищать деревню. Защищать жрицу — и старую, и новую! — не выдержала, повысив голос, Стана, и слова её окрасились злобой.

— Стана! — грозно сказал Береслав, не терпящий возражений.

И Стана, чувствуя, что спорить дальше бессмысленно, всё же подчинилась. Шаги были тяжёлыми, ведь вела её чужая воля. У двери она замерла, не решаясь выйти. Береслав уже покинул комнату, вернувшись к остальным.

Она стояла в пороге, не решаясь двинуться дальше. В груди колотилось сердце.

«*Зачем ж ты в жизнь мою явилась? Изведёшь, а я тебя загублю. Загублю по воле своей, как и их...*» — пронеслось у неё в голове, и она вышла к Мире.

Юная жрица сидела на лавке. Кожа её была бледна, как снег, а руки дрожали. Она не замечала ведьмы, уставившись на дверь, за которой недавно скрылись волхвы, ушедшие на зов опасности. Стана стояла, глядя на юную жрицу, и чувствовала, как в собственной груди колотится сердце.

«Что-то в этой девице не так. Не слабость, не страх. Нет. И не скрытая ещё сила жрицы. Тянет... будто нити тончайшие, невидимые, но цепкие, как паутина. Кто их сплёл? Боги ли, нечисть ли — не разберу. Но связали крепко. И зачем? Для беды? Для кары? Аль просто от скуки поиграть решили? Нет у меня подруг, не было и никогда не будет».

Стана отмела думы, взяла кружку с полки, зачерпнула отвар, дымящийся на печи, и подошла к жрице.

Глава 11

Они лежали рядом в тишине, и казалось, что обе наконец обрели покой. Лунный свет мягко скользил по стенам, дыхание становилось ровным, и даже мысли Миры начали стихать. Она чувствовала рядом холодное присутствие Станы, которое ощущалось удивительно обжигающе.

Мира почти поверила, что сможет уснуть. Но вдруг едва уловимый звук разрезал тишину. Сначала тихий, будто ветка треснула под чьим-то весом. Потом скрежет когтей по дереву. Воздух в избе мгновенно изменился, стал густым, тревожным, словно сама ночь напряглась.

Стана открыла глаза. В её взгляде не было сна, только холодная решимость. Она медленно поднялась, и Мира почувствовала, как сердце ухнуло вниз.

— Что это?.. — прошептала юная жрица.

В ответ раздался вой. Долгий, протяжный, звериный. За ним — другой, и ещё. Стая давала ответ, будто услышав вопрос.

Стана быстро вышла из комнаты, подошла к столу возле печи, схватила нож с костяной рукоятью. Пламя свечи дрогнуло, когда она бросила в него пригоршню сухих трав. Огонь вспыхнул зелёным, запах стал резким, горьким.

— Волколаки, — сказала она тихо, будто сама себе.

Мира, вышедшая следом за ней, сжимала ткани платья,

пальцы дрожали.

— Они... сюда?

Ведьма бросила короткий взгляд, в котором читалось и ехидство, и тревога.

— Сиди ближе к стене. И не вздумай шуметь.

Снаружи раздался глухой удар, будто что-то тяжёлое навалилось на дверь. Изба содрогнулась, травы под потолком зашуршали. Потом когти заскребли по стене, приближаясь к ставням, и в щели мелькнули жёлтые глаза.

Мира прижалась к стене, дыхание сбилось. Она чувствовала, как страх сжимает её грудь, но рядом со Станой он становился другим — не парализующим, а острым, как лезвие ножа.

Ведьма стояла у двери, ладонь её крепко сжимала нож, другая удерживала дверь, будто она в самом деле верила, что сможет не пустить нечисть в избу.

— Ну что, псы ночные... попробуйте, — произнесла она почти шёпотом, но в этом шёпоте было больше силы, чем в крике.

Волколаки завyli снова, и вой их был уже совсем близко. Тени метнулись вокруг избы, когти скребли по брёвнам, и казалось, что стены не выдержат.

Мира видела, как ведьма напряглась, как её плечи дрожали от внутренней борьбы. Она не говорила прямо, но каждое движение Станы кричало о том, что она готова биться насмерть.

И когда первый удар обрушился на дверь, ночь взорвалась звуком — рычанием, скрежетом, треском дерева. Изба содрогнулась, и Мира вскрикнула, но ведьма уже прижалась сильнее к двери, готовая встретить стаю.

Дверь содрогнулась от удара, и первый волколак ворвался внутрь — тень, когти, оскал. Стану отбросило от входа, но она тут же метнулась навстречу, нож сверкнул в её руке. Удар — и зверь отшатнулся, завывая, но за ним уже рвались другие.

Мира прижалась к стене, дыхание сбилось, но глаза не отрывались от ведьмы. Стана двигалась быстро, почти неуловимо: её шаги были точны, удары — резки. Она держала оборону, но стоя была многочисленной.

Один из волколаков прыгнул сбоку, целясь прямо в Стану. Ведьма успела повернуться, но длинные лапы зверя полоснули бок, нанося раны. В тот миг Мира сорвалась с места.

Она схватила тяжёлую чашу со стола и бросилась вперёд. Ударила зверя по морде — звонкий треск, вой, когти лишь скользнули по её плечу. Волколак отшатнулся, ошалев от неожиданного сопротивления.

Стана резко обернулась, глаза её вспыхнули — удивление, гнев, и что-то ещё, таившееся глубже, что она изо всех сил пыталась скрыть.

— Ты безумна! — выкрикнула она, но дрожи утаить не удалось.

Мира стояла, тяжело дыша, с чашей в руках.

— Я не дам им тебя тронуть! — вырвалось у неё.

Ведьма на миг замерла, словно слова Миры пробили её защиту. Потом резко шагнула ближе, прикрывая её собой.

— Глупая... — прошептала она, но пальцы её крепко сжали руку девушки. — Раз уж решила — держись рядом.

Волколаки снова рванулись внутрь. Один прыгнул прямо на них, и Стана ударила ножом, пробившим грудь зверя. Он заскулил, отпрыгнул. Липкая кровь сочилась из его груди, однако помирать он не собирался. Другой метнулся к Мире, но та, не думая, вскинула чашу и ударила снова. Второго удара посудина не выдержала, разлетевшись на осколки, а в руке остался только острый осколок от ручки, которую Мира продолжала изо всех сил сжимать. Зверь завыл, отступил, но когти всё же задели её руку — кровь выступила, горячая, жгучая.

— Чёртовы твари! — прошипела ведьма, отталкивая Мира к стене. — Ты думаешь, я не справлюсь? Беги, дура! Моя жизнь никому не нужна, а у тебя есть цель в этой жизни.

Но в её голосе звучало не раздражение, а страх. Страх потерять её — единственную, кроме волхвов, кто не осудил, не проклял, а принял ведьму.

Стая кружила вокруг, вой становился всё громче. Изба дрожала, словно сама земля содрогалась от натиска. Но внутри, среди треска и рычания, две женщины стояли рядом — одна с ножом, другая с осколком чаши, обе с горящими глазами и страхом за жизнь другой. И в этой странной близости

было больше силы, чем в любых заклинаниях.

Волколаки рвались в бой, и каждый их прыжок был как удар молота. Стана уже едва держалась: кровь струилась по её боку, пропитывая ткань, дыхание становилось хриплым. Она всё ещё стояла, но каждый её шаг был борьбой с болью.

Мира видела, как ведьма пошатнулась, и в тот миг страх стал невыносимым. Один из зверей метнулся к Стане — огромный, с жёлтыми глазами, в которых не было ничего человеческого. Когти полоснули по её плечу, оставив огненную рану. Она вскрикнула, но не упала. Мира ринулась на зверя, который вскинул лапу, нанеся ей рану в области плеча. Неглубокую, но этого хватило, чтобы понять, что жизнь их висит на волоске. В руке всё ещё был осколок чаши, и она сжала его так, что пальцы побелели.

И вдруг — голос. Не её, не человеческий. Шёпот, будто из ниоткуда, будто из глубины леса, из тьмы, где нет ни света, ни надежды. Он проник прямо в её голову:

«Содри... содри шкуру...»

Мира замерла, дыхание сбилось. Она увидела, как один из волколаков — тот, что был ближе всех — на загривке носил странный кусочек неродной шкуры, словно чужой, не свой, пришитый. Шёпот усилился, стал требовательным, властным:

«Шкура... Сорвать и умрёт...»

Она бросилась вперёд, не думая. Зверь рванулся навстречу, когти полоснули по её руке, но она, крича от боли,

вонзила осколок чаши в этот кусок шкуры. Ткань и плоть сопротивлялись, кровь хлынула тонкой струйкой, но она рвала, вспарывала, сдирала, будто сама ночь помогала ей. Волколак выл, ревел, обезумевший от боли. Метал лапы из стороны в сторону, пытаясь оттолкнуть Миру, но девушка вцепилась в него мёртвой хваткой, не боясь ни новых ран, ни пасти зверя, опасно смыкающейся у головы в попытке дотянуться. Другие твари метнулись на помощь сородичу, отвлёкшись от ведьмы.

Кусок шкуры, изорванный, наконец оторвался. Волколак завыл не звериным, а человеческим голосом, полным боли, обезумевшим. Его тело содрогнулось, глаза потухли, и он рухнул на пол, превращаясь в человека. Лицо было искажено мукой, но уже не зверь, а мёртвый мужчина лежал перед ними. Изуродованное тело с изломанными костями, бледная кожа. Мира узнала его — это был Иван, сгинувший в тумане за пару дней до Купальи. Говорили, что он собирал грибы у края тумана, а тот вдруг сомкнулся вокруг, утащив его в свои владения.

Стая взвыла, глядя на своего собрата. Они отпрянули, будто сама смерть коснулась и их. В их глазах сверкало бешенство и готовность мстить за гибель сородича. Они уже крались к раненым девицам, скаля пасти, как вдруг издалека раздался вой. Громкий, протяжный, властный. Твари остановились, будто повинуясь приказанию, переглянулись и один за другим метнулись к выходу, протискиваясь в двер-

ной проём, ломая ставни, вырываясь в ночь. Их силуэты исчезли в лесу, вой постепенно стихал, растворяясь в воздухе.

В избе осталась тишина. Только тяжёлое дыхание двух женщин и запах крови.

Стана рухнула на колени, её руки дрожали, нож выпал из пальцев. Раньше загорелая кожа стала белым полотном, губы посинели, кровь всё ещё сочилась из раны. Мира бросилась к ней, прижимая ладони к её боку, пытаясь остановить алый поток.

— Держись... Держись, прошу... — слова срывались, но в них уже звучала новая сила.

Стана посмотрела на неё, глаза её были полны боли и странного света.

— Ты... сделала это... — прошептала она. — Но как узнала?

Мира не понимала, что это было, но знала одно: если бы она не содрала ту шкуру, обе были бы мертвы.

— Что-то... Какая-то сила нашептала.

— Они могут вернуться... Сбежали не от страха, а по зову... — сказала ведьма хрипло.

Мира не слышала больше ни воя, ни скрежета когтей, только хриплое дыхание Станы, которое становилось всё реже. Она рвала платье на длинные полосы, прижимала их к ранам, но кровь всё равно сочилась, пропитывая ткань и окрашивая ладони в алый.

Она метнулась к полкам, где хранились связки трав, и су-

дорожно перебирала их, пока не нашла подорожник, тысячелистник и зверобой. Сухие стебли дрожали в её пальцах. Она бросила их в чашу, залила кипятком, но руки дрожали так сильно, что часть отвара пролилась на пол.

— Потерпи... Прошу тебя... — молила она, возвращаясь к ведьме. — Это должно помочь...

Стана лежала, глаза её были полуприкрыты. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой, почти невидимой.

— Ты... всё равно не удержишь меня... — выдохнула, и звук таял в воздухе, будто уходил куда-то вглубь ночи.

Мира прижимала листья подорожника к ране, смачивала лоскуты тряпок в отваре, обвязывала раны полосами ткани, но чувствовала — жизнь уходит. Слёзы катились по её щекам, падали на лицо ведьмы, смешиваясь с кровью.

— Нет... Нет, ты не имеешь права... Я не отпущу тебя... — слова срывались, переходя в почти крик.

Стана подняла руку, коснулась её лица. Пальцы были холодными, но в этом прикосновении было всё — и нежность, и прощание, и странная забота.

— Отпусти... Деревня только порадует... Видать, пришёл час расплаты... — прошептала она, однако слова едва коснулись воздуха.

Мира качала головой, прижимала её к себе, шептала молитвы, но слова рассыпались, не имели силы. Она чувствовала себя виноватой. Думала, что притянула беду в деревню,

накликала её гибель.

— Не отпущу...

Ведьма закрыла глаза, дыхание её стало редким, ровным. Лунный свет падал на её лицо, делая его почти прозрачным.

Мира закричала, но крик её не покинул стен избы. Она держала ведьму в объятиях, пока та не стала неподвижной. Слезы падали на её лицо, и казалось, что сами Боги плакали вместе с ней.

Тяжёлые шаги заставили Миру поднять взор. Перед ней стояли волхвы. В оборванных одеждах, измазанные кровью и суровые.

— Уведите жрицу, — велел Береслав.

Венедор и Володарь подхватили Миру под руки и потащили из избы. Она сопротивлялась, кричала, била ногами и руками, но волхвы были сильнее. Она могла лишь видеть, как Береслав склонился над ведьмой, нашептывая что-то ей на ухо, ощупывая едва живое тело.

Глава 12

Венедор и Володарь тащили Миру прочь от избы, и каждый её шаг отзывался болью — не телесной, а той, что рвёт грудь изнутри. Она кричала, вырывалась, ногти впивались в руки волхвов, но те держали крепко, будто знали: если отпустить — она бросится обратно в пасть отчаяния.

Деревня вокруг была неузнаваема. Там, где ещё вечером стояли возы, теперь валялись перевёрнутые телеги, колёса крутились, скрипя, словно жалуясь на судьбу. Утварь была разбросана по земле — глиняные горшки разбиты, крышки сундуков сорваны, солома раскидана, будто вихрь пронёсся по дворам. На земле — тёмные пятна крови, густые, свежие.

Из-за угла, покачиваясь, вышел мужик — плечо его было разодрано, он прижимал к ране тряпку, пропитанную кровью. Лицо серое, глаза пустые. Он даже не заметил их, прошёл мимо, как тень. У другой избы двое стариков пытались поднять третьего — тот стонал, держась за бок, где виднелись следы когтей. Женщины метались, собирая детей, кто-то плакал, кто-то молился.

Мира смотрела на всё это и чувствовала, как мир вокруг рушится.

— Пустите... пустите меня к ней... я должна помочь...
— мольба сорвалась на хрип.

Володарь молчал, только крепче сжал её руку. Венедор же

говорил спокойно, почти мягко, но в его голосе чувствовалась сталь.

— Тебе не место там, Мира. Береслав сделает всё, что может. Он сильный волхв. Если есть хоть малейший шанс сохранить ей жизнь — он его найдёт.

— Это я виновата... — прошептала она, и слова эти были как нож.

Венедор не удивился. Он даже не вздохнул — будто давно ждал этих слов.

— Конечно, виновата, — сказал он просто. — Появление новой жрицы всегда тревожит Навь. Ты — знак перемен. А перемены духи не любят. Вот и пришли твари.

Мира остановилась, будто удар пришёлся прямо в грудь.

— Значит... из-за меня... они... она...

— Не только, — добавил Венедор. — Но и из-за тебя тоже. Таков порядок. Так было всегда.

Слова его были не жестокими — просто правдивыми. И от этой правды становилось ещё больнее.

Они почти дошли до её избы, когда дверь соседней хаты распахнулась, и наружу выскочила Рада. Лицо её было бледным, волосы растрёпаны, но глаза — ясные, живые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.